

Трескучее слово «революция» у многих порождает ассоциации, навеянные кинематографом советской поры: толпы с транспарантами, вкривь и вкось белым по красному исписанными корявыми буквами, митинги, шествия, свержение старой власти. Всё это и впрямь имело место, но происходило совсем не «как в кино».

К началу мировой войны российские революционные партии переживали глубокий кризис. Нелегальные структуры революционеров на территории империи были разгромлены. Сотни боевиков — осуждены и казнены по «упрощённой процедуре» военно-полевыми судами, тысячи сосланы в каторжные работы и заключены в тюрьмы. Уцелевшие от арестов бежали за границу или притаились, отказавшись от активной политической деятельности. Остатки подпольных групп взяла под контроль полицейская агентура, и большей их частью управляли провокаторы.

Поражение революции 1905–1907 годов, скандалы, возникшие после раскрытия роли провокаторов в революционном движении, разочаровали многих сочувствовавших освободительному движению. Суровые меры, принятые властями, напугали обывателей. В то же время в обществе происходили важные процессы, точкой отсчёта ко-

торых стал Манифест от 17 октября 1905 года, которым гарантировались свобода слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности и ряд других гражданских прав и свобод. В России возникли легальные партии, представители которых заседали в Государственной думе. Поддерживаемые крупным капиталом «Конституционные демократы» (кадеты), «Союз 17 октября» (октябристы), «Трудовая группа» (трудовики) и ряд других издавали свои газеты, завязывали связи в высших сферах бюрократии, проникая к самой сердцевине управления государственной машиной.

Была разрешена легальная деятельность Российской социал-демократической рабочей партии РСДРП и социалистов-революционеров (эсеров), выступавших под революционными лозунгами. Они даже имели свои фракции в Государственной думе! Но центральные комитеты этих партий, состоявшие из лиц, обвинявшихся в целом ряде политических и уголовных преступлений, вынужденно пребывали в эмиграции. Лишённые финансовой поддержки, не имея лидеров, участвующих в реальных политических процессах, радикальные социалистические партии не оказывали значительного влияния на события, разворачивавшиеся в Российской империи.

Реальная власть постепенно переходила от высшего чиновничества из числа родовитой аристократии в руки управлявших обезличенным капиталом столичных финансистов, представители которых заседали в Думе.

При заметном общем экономическом росте стремительно сокращалось число предприятий, принадлежавших семейным фирмам или отдельным лицам. Акционирование создавало коллективных владельцев, часто являвшихся иностранными промышленно-финансовыми обществами.

Яркий тому пример — Коломенский машиностроительный завод, основанный братьями Струве, который ещё в XIX веке перешёл в руки акционерного общества. Заводом управляла дирекция, члены которой, помимо жалованья, получали дивиденды как держатели акций, но хозяевами дела не были. Контрольный пакет акций завода принадлежал франко-бельгийской банковской группе, инвестировавшей в период 1907–1910 годов в предприятие крупные средства. Совет директоров этой финансовой группы и был коллективным хозяином Коломзавода. Представителями иностранных инвесторов в России были столичные банки, опять же принадлежавшие коллективным владельцам. Решения советов директоров банков, в сущности, и определяли течение жизни предприятий, распоряжаясь судьбами тысяч рабочих и инженеров.

Перед самой мировой войной, летом 1914 года, в результате соглашения петербургских банков: Международного, Учётного и Ссудного — «Общество коломенского завода» было объединено с другой акционерной компанией — «Сормовские заводы». Юридически сохранив самостоятельность, фирмы имели единую администрацию и совместно исполняли заказы.

С началом мировой войны немецким предпринимателям, а также русским подданным немецкого происхождения было запрещено принимать подряды на исполнение оборонных заказов. А какие ещё могли быть заказы в это время? Немцев выдавливали из множества сфер бизнеса, вынуждая по смешным ценам продавать вставшие предприятия.

Образовавшийся коломенско-сормовский промышленный гигант, воспользовавшись ситуацией, принялся поглощать одно предприятие за другим. В том числе «Общество Коломзавода» отхватило настоящую

жемчужину — Бочмановскую фабрику земледельческих орудий компании «Липгарт и К°», принадлежавшей предпринимателям немецкого происхождения. Ею владели члены семей Липгарт и Рингель, имевшие вблизи Коломны ещё несколько промышленных предприятий.

Противостоять монстру коллективного капитала у владельцев Бочмановской фабрики не было никакой возможности. Дирекция Коломенского машиностроительного завода просто известила сформированный летом 1915 года Центральный военно-промышленный комитет, что для производства снарядов требуется особый отдел, указав, что лучше всего для этого подходит фабрика земледельческих орудий в Бочманове. Мнения владельцев не спрашивали. Имена Липгартов и Рингелей в документах вовсе не упоминались. При содействии Комитета решение прошло через правительство, и — вуаля! — фабрика обратилась в снарядный отдел Коломзавода. Бывшим владельцам кинули подачку в 135 тысяч рублей. Такова была довоенная цена предприятия, которое, превратившись в снарядную фабрику, стало приносить миллионные прибыли.

* * *

С началом войны жизнь в Коломне и окрестностях здорово поменялась. Поначалу-то многие были в патриотическом восторге от перспектив «накидать немчуре». Но быстрой победы не произошло, война затянулась, и нужно было как-то приспособливаться к дальнейшей жизни.

Пользуясь тем, что загруженному военными заказами Коломенскому машиностроительному заводу требовалось всё больше и больше рабочих рук, попасть туда на работу стремились даже те, кто прежде обходил завод за версту. Привлекали не столько большие заработки рабочих, сколько возможность уклониться от военного призыва. Рабочие заводов, выполнявших оборонные заказы, считались «призванными в армию, но оставленными в тылу». Это соблазнительное обстоятельство притягивало даже детей коломенского купечества, которым светила перспектива попасть в окопы. По знакомству и за хорошие деньги их стали устраивать в цеха, и они по двенадцать часов в день усердно обдирали шрапнель — начинку для снарядов — в ряд с теми, кого прежде и знать не желали.

Однако рабочие весьма ревниво отнеслись к «чужакам», и не без их кляуз дело о купеческих сыновьях попало на страницы газет. Разгорелся скандал. Власти были вынуждены начать следствие. В 1915 году всех устроившихся на завод после начала войны, подпадавших под категорию «ратников 1-го разряда», по требованию полиции уволили, и призывная кампания поставила их под ружьё.

Для большей эффективности производства многие технологические процессы на Коломзаводе разбили на отдельные упрощённые операции, производить которые могли работники, не имевшие высокой квалификации. Это позволило нанимать неграмотных, необученных людей, в том числе, чего совсем не бывало прежде, женщин, крестьянок из окрестных деревень. Возможность зарабатывать вровень с мужчинами изменила их статус в семье. Женщина-добытчица, кормилец — это была настоящая революция в быту.

Политической подоплёки в изменениях жизни военной поры было совсем мало. Главным образом, все сводилось к экономике.

К весне 1915-го значительно подскочили цены на продовольствие. Прошёл слух, что в Москве, Петрограде, Ревеле и иных местах рабочим механических заводов, выполняющим оборонные заказы, подняли заработную плату. Тогда на Коломенском заводе объявили забастовку, потребовав пересмотреть расценки.

Буза началась 7 апреля (по старому стилю). Рано утром мастер Рыбаков увидел, что рабочие его цеха «разгуливают, сложа руки».

— Почему не хотите работать? — попенял он. — Вас же специально для этого в тылу оставили.

В ответ посыпались угрозы. Кто-то крикнул:

— Бейте его, ребята!

Мастер был не лыком шит. Выхватив из кармана складной нож, он пригрозил:

— Не троньте! Живым не дамся!

В него вцепились, стали крутить руки, повалили на пол.

Кто знает, чем бы всё закончилось, если бы не вмешался инженер Линд, пользовавшийся на заводе большим авторитетом. Он пробрался сквозь толпу, приказал передать ему мастера и вывел из цеха. Собственно, этим инцидентом события первого дня и исчерпались.

В течение последующих нескольких дней рабочие то начинали работать, то бросали. Иные «крутили итальянку» — так назывался способ отлынивать от работы, изобретённый итальянскими рабочими. Это когда все суетятся, вроде бы работают, а на самом деле саботируют и ни черта не делают.

К десятому числу завод встал полностью.

В подоплёке событий лежала не столько солидарность трудящихся и даже не желание увеличить зарплаты.

Забастовка была чистым проявлением крестьянской хитрости. Стояла весна, самое время копать огороды и сажать картошку. Прежде рабочие тоже занимались огородами, но в мирное время это было лишь дополнительным занятием, не главным. Теперь, живо смекнув, что война затягивается и продукты дорожают, имевшие в деревнях земельные наделы, чтобы обеспечить семьи и подзаработать, решили заняться своими хозяйствами всерьёз. В мирное время рабочих, имевших земельные наделы, по традиции, на несколько дней освобождали от обязанностей на заводе, без сохранения оплаты. Весной 1915 года из-за обилия срочных заказов дирекция отказалась отпустить работников, получив в ответ забастовку «по экономическому поводу».

Несколько дней, без шума и беспорядков, рабочие проволынили, под флагом забастовки вспахали огороды, а когда дирекция сдалась и согласилась на прибавку подённой расценки из расчёта 10 копеек холостым и 15 копеек женатым, возобновили работу.

Руководство завода, понеся определённые убытки, выяснило имена зачинщиков и призвало их к ответу. Дело рассмотрели в военно-окружном суде почти год спустя, 25 февраля 1916 года. На скамье подсудимых оказались В. Л. Бычков, И. В. Зотов, В. Н. Шондров (по прозвищу Собакин), Н. А. Малкин, М. В. Щёлоков (по прозвищу Савельев), И. С. Дорофеев и С. И. Лаврентьев, обвинявшиеся в подстрекательстве к забастовке. В качестве одного из свидетелей выступил фабричный инспектор 3-го участка

Московской губернии, в ведении которого находился Коломзавод. Он-то и растолковал сущность истинной причины забастовки.

Поскольку конфликт был улажен ещё в прошедшем году и с тех пор администрация и рабочие взаимно «приспособились» к новым условиям, суд не стал никого наказывать и оправдал подстрекателей.

* * *

В это же время коломенский священник Владимир Востоков, пастырь, не лишённый литературного и организационного дара, развил весьма бурную издательскую деятельность, выпуская журнал «Отклики на жизнь», который расходился по всей России и вызывал определённый резонанс общественного мнения. Печатались в журнале главным образом сам батюшка да представители его паствы. Среди них были и рабочие Коломенского завода. Самым «писучим» автором «Откликов...» оказался рабочий-металлист Владимир Фильчугин. Его статьи грешили «языковыми излишествами», но в них оказались запечатлены реалии военной поры, любопытные свидетельства времени, о котором мы парадоксально мало знаем.

Из публикаций Фильчугина можно узнать, как в обход «сухого закона», введённого летом 1914 года, корыстные людишки фабриковали «ханжу» — водку из суррогатных спиртов. В деревнях наладили торговлю брагой и самогоном, запрашивая за бутылку неперегонявшейся браги 30–50 копеек, смотря по тому, как она «заиграла», а за самогонку — до полутора рублей. Новое применение нашли одеколону, который выучились очищать через матерчатые фильтры. Впрочем, пили одеколон и так, платя по 2 рубля за флакон, как за хороший коньяк в довоенное время.

Автор оставил нам замечательную бытовую зарисовочку той поры: «Сидит компания в трактире и «гоняет пустой чай». Разговор не клеится. Один из собеседников ёрзает на стуле и нетерпеливо поглядывает в окошко. По лицу видно, что он уже хватил «отравки» и никак не может прийти в себя. Но вдруг он оживляется и почти кричит: «Едет, едет!» Все сразу повеселели, и вскоре, как бомба, в трактир влетает «посланец», который достаёт из кармана свёрток, передавая его «мученику». В свёртке оказывается флакон «шерлаку» [чёрного лака на спиртовой основе, которым покрывали корпуса паровозов]. Один из компании — за химика: он очищает спирт, и эта процедура занимает минут десять. [Делалось это просто — в лак сыпали горсть соли. Растворившись в смеси, она осаживала фракции красителя на дно. Оставалась спиртовая основа, которую осторожно сцеживали.] После очистки «страдальцу» налили полстакана полученного продукта, и тот хлопнул его залпом...». Потом, как рассказывал сам «мученик», описывая ощущения товарищам, по его телу пошли судороги, а левую ногу начало гнуть в дугу. В желудке же происходило такое, что «избави Бог лихого лиходея».

Полиция арестовывала пьяных за нарушение закона, искала продавцов. Но поди поймай их всех! Да и сами-то ловцы были далеко не ангелы, в большинстве своём «мимо рта в темноте не проносили». А коли так, то и договориться с ними всегда было можно.

Осенью 1915 года в городе ощущалась острая нехватка муки и сахара. Это был ещё не голод, но в стране были вынуждены ввести нормирование продаж основных продуктов. Впервые в истории русские люди столкнулись с такой штукой, как продовольственные карточки. Купцов обязали продавать в лавках продукты по нормам, определённым карточной системой. Однако контроль за исполнением обязанности был довольно слабым. Сблaзн «погреть руки» всегда пересиливал, а потому при торговле продуктами повсеместно совершались самые разнообразные злоупотребления.

Распространённым был простой, но эффективный трюк с заказом товара «на предъявителя». Суть аферы заключалась в том, что адресованные «на предъявителя» товары не спешили получать. Прибывшие вагоны ставили на запасные пути. Купец тянул время, объясняя отсутствие продуктов в лавке тем, что «подвела железная дорога». Звучало вполне правдоподобно, потому что дороги и впрямь были чудовищно перегружены военными перевозками и заторов на них хватало. Проверить, пришёл ли вагон, если груз адресован анонимному получателю, было невозможно. За каждый день простоя железная дорога начисляла штраф и в убытке не оставалась. Хозяин забирал товары только тогда, когда цены взлетали, да ещё закладывал в них при розничной продаже расходы, понесённые на штрафах, лицемерно поясняя рост дороговизны трудностями военного времени.

В журнале «Отклики на жизнь» от 8 ноября появилась статья Фильчугина «Что сказал бы Кузьма Минин нынешним купцам», в которой автор описывал случай, ставший широко известным. На запасных путях в Голутвине стояло 26 вагонов с продовольствием, в то время как в городе невозможно было купить муку. Как только «цены скакнули», мука и сахар появились в изобилии. Всем, кроме покупателей, было хорошо: торговец нажил втрое больше закупочной цены, железная дорога тоже получила своё.

Вместе с тем, отмечал автор, далеко не все торговцы так хищнически относятся к землякам, стремясь «зашибить деньгу»: «Резкий контраст с действиями лихоимцев являет купец Иван Лежнёв, состоящий в правлении одного из местных потребительских обществ. Как только обнаруживается спекуляция, Лежнёв, не считаясь с личными делами по лесоторговле, едет разыскивать муку и прочие товары. Благодаря его энергичности это часто удаётся. Кооперативы, созданные Лежнёвым в Коломенском уезде, помогают удовлетворить потребности рабочих и крестьян».

Усилиями одиночек противостоять вакханалии с провизией не удавалось. Множество организаций создали структуры по обеспечению рабочих и служащих продовольствием. В выгодном положении оказались рабочие Коломзавода, дирекция которого часть зарплаты стала выдавать продуктами. Кроме того, потребительское общество завода, созданное ещё при первом хозяине, Аманде Егоровиче Струве, проводило распродажи продуктов по «некоммерческой цене», так называемые «дешёвки». По меркам того времени это считалось очень большой выгодой. Хотя, конечно, с довоенной жизнью такое «благополучие» не шло ни в какое сравнение.

Доискиваясь глубинных причин продовольственного кризиса, Фильчугин приводил цитаты из интервью депутатов Государственной думы,

данного газете «Русское слово». Вину за продовольственный кризис господу депутаты возлагали на крестьян, укрывавших продовольствие. По их словам, крестьяне саботировали казённые закупки. Имея запас прошлогоднего урожая, в 1915 году они отказались продавать хлеб, ссылая его в ямы. Мужики тоже ждали «подходящую цену».

Но даже те продукты, которые попадали на рынок, нуждались в переработке, а сделать это было негде — с началом войны закрылось множество пекарен, кондитерских, колбасных, скотобоен, мельниц, молочных лавок. Во-первых, скачки цен и инфляция подорвали финансовую основу существования этих предприятий. Во-вторых, большинство работавших на этих предприятиях специалистов забрали в армию, а замены не было — ремеслу учились с детства. Те работники перерабатывающих предприятий, кого ещё не призвали на военную службу, подались на заводы, где производили оружие и военное снаряжение. Там и платили больше, и отправка в действующую армию была менее вероятной.

Несколько наивные, излишне многословные писания провинциального рабочего сильны не столько мастерством публициста, сколь духом истинного переживания и житейской правды. В них представлено множество непривычных большинству россиян фактов, изучение которых приводит к мысли о том, что трёхсотлетнюю Российскую империю погубили люди, не имевшие к революционному движению никакого отношения.

У истоков катастрофы громадного государства стояли крестьяне, прятавшие хлеб, порождая дефицит продовольствия, купцы, превращавшие трудности военного времени в золотую жилу, наживая спекуляциями на полушку вложения рубль прибыли, развращённые коррупцией чиновники, чья доля увеличивала стоимость всего, — все они были причастны к разрушению экономики и эрозии государственной системы воевавшего государства.

Свои ручки к приближению политической катастрофы приложили господа промышленники, которым война была — что мать родна! Финансовые воротилы, державшие пакет акций «Общества Коломенского завода», покупали уже не отдельные предприятия, а целые концерны, промышленные группы, превратившись в финансово-промышленное княжество, разбросанное по всей европейской части России, вплоть до Уральских гор. Военно-промышленные комитеты становились более реальной властью, чем царская, государственная, чем власть администрации.

Каждый день войны обходился России в 40 млн. рублей. Ни царская семья, глава которой, император Николай, на вопрос переписи населения о роде занятий гордо написал «Хозяин земли русской», ни родовая аристократия, владевшая колоссальными состояниями, в финансировании военных расходов личными средствами не участвовали. Неся огромные расходы, государство прибегало к многочисленным займам как внешним, так и внутренним. Банки Англии, Франции, Италии и Америки предоставили России более 8 млрд. рублей. Внутренние займы были в несколько раз больше. Всего же к исходу 1917 года государственный долг достиг 60 млрд. рублей. Этими деньгами государство оплачивало военные заказы.

Производившие вооружение, снаряжение и амуницию предприятия принадлежали обезличенному акционерному интернациональному капиталу. Часто акции предприятий, выполнявших военные заказы, принадлежали тем же банкам, которые предоставляли займы Российскому

государству. Деньги банкиров, держателей акций предприятий, производивших вооружение, став займом, потом средством расчёта за военные заказы возвращались обратно в виде прибылей и дивидендов. Империя получала средства для ведения войны и всё увеличивающийся долг. Оружие и боеприпасы перемальвались молохом войны, их производили заново, делая для этого новые займы.

С 1914 года был прекращён обмен ассигнаций на золото, и необеспеченные бумажные деньги стали жертвой инфляции, обесценивавшей рубль всё больше. В 1917 году иностранные банкиры отказались кредитовать Россию, уже неспособную обслуживать долги, выплачивая проценты. Российские власти предрержащие попали в прямую зависимость от владельцев российских банков и заводов, уже заседавших в военно-промышленных комитетах, приобретающих политическую силу. Члены этих комитетов входили в центральные комитеты легальных партий, заседавших в Думе, и таким образом реальная власть оказывалась в руках финансово-промышленной элиты, представленной политиками в Думе, менеджментом в военно-промышленных комитетах. И упускать эту власть они совсем не хотели. Оставалось только сменить форму правления, к чему дело и велось.

Из статей Фильчугина ясно видно, что как таковые государственные нужды большинству россиян были глубоко безразличны. Веками их приучали: «Всяк сверчок знай свой шесток», они и относились к внешнеполитическим событиям со стоическим безразличием, твердя: «Не нашего ума дело!» По-настоящему простой люд беспокоили только трудности с покупкой продовольствия, отсутствие качественной водки и опасность «загреметь» на фронт.

* * *

Армия перестала быть опорой власти. Большая часть её кадрового состава полегла в первые годы войны. К 1917 году большинство воевавших солдат были призванными из запаса, а офицерами по необходимости военного времени становились фронтовики из простолюдинов, окончившие офицерские школы гимназисты и студенты, молодые чиновники и прочие. Понятия «офицерская честь», «долг перед Родиной» и иные основы сознательной дисциплины постепенно утратили смысл, перестали быть руководством к действию, правилами жизни. В тогдашней армии служило немало людей, полагававших, что главное — выйти из военной передраги живым и по возможности здоровым. Дальше уж как-нибудь само собой всё наладится.

Постепенно в армии вызревали всё более грозные процессы. Гибнуть «невеста за что» на фронте, в то время как в тылу «жируют», воевавшим солдатам и офицерам казалось верхом несправедливости. Того пуще — крамола расцветала в тыловых казармах, где призванные из запаса меньше всего желали идти воевать и ради этого были готовы ввязаться в любую политическую авантюру. Дело усугублялось ещё и тем, что обеспечение армии было поставлено из рук вон плохо. Вернее, поставлено таким образом, чтобы интенданты и поставщики замечательно удобно «грели руки», а воинам доставались жалкие крохи и дрянь, проведённые по отчётам как отличные продукты и снаряжение.

Те, кто видел это своими глазами, так описывают ситуацию: «В сравнении с общим положением в городе особо остро стоял вопрос с продовольствием в войсках Коломенского гарнизона. Солдаты вынуждены были буквально выпрашивать питание под окнами. От нехваток товаров и продуктов во всех копилось недовольство, всюду росло возмущение».

Даже генералы из потомственной аристократии, столкнувшись с поставщиками, членами военно-промышленных комитетов, ощутив вкус больших денег, которыми с ними «делились», и те уже были «не за царя». Более того, многие из военных, у кого «рыло в пуху», как огня боялись окончания войны, подсчётов и выяснений: кому, куда, чего и сколько. По этой причине они «стали склоняться к демократическим преобразованиям», которые, погубив «старый строй», оставили бы их при больших деньгах и отвели топор правосудия. Девизом стало «чем хуже, тем лучше»: чем запутаннее ситуация, тем труднее их будет поймать. Страна неслась под горку, словно на салазках тёмной ночью, и так, вслепую, со всего маху въехала в грозный 1917 год.

Ни у кого не было ни охоты, ни возможности противодействовать всеобщему и постепенному разложению страны, каждый день по чуть-чуть слабевшей. Всем, кто не ловил рыбку в мутной воде, не делал деньги, а отоваривал карточки, «доставал» штаны да ботинки, ставшие страшным дефицитом, такая жизнь надоела. Они мечтали жить, а не выживать. Ждали событий, которые встряхнут всех и исправят ситуацию. И дождались: трянуло, да так, что только зубы клацнули.

* * *

Зимой 1917 года в Коломне царил «перманентный продовольственный кризис». Все попытки преодолеть его ни к чему путному не привели. Во второй половине февраля в город перестали приходить газеты. В то же время из Петрограда доносились слухи о падении доверия к правительству и Думе. В среде городской интеллигенции по рукам передавали обращение к царю князя Львова и председателя Государственной думы Родзянко с предупреждением о грядущей катастрофе в случае дальнейшего разложения государственной власти.

Известный в Коломенском уезде врач и общественный деятель Борис Афиногенович Брушлинский состоял членом продовольственного комитета земской управы. Он присутствовал на заседании 28 февраля 1917 года, в ходе которого комитет искал способы улучшить снабжение города. В перерыве председатель земской управы Лунин отозвал Бориса Афиногеновича в сторону и тихо сообщил, что «циркулируют слухи об отречении Николая Второго». Это казалось невероятным: царь отрёкся от престола! Но 1 марта коломенские земцы получили телеграмму, разосланную по всем железнодорожным линиям, в которой сообщалось, что самодержавное правительство свергнуто и власть в свои руки взял Временный комитет Государственной думы во главе с Родзянко. Подписана телеграмма была временным комиссаром путей сообщения.

По свидетельству рабочего Владимира Фильчугина, с утра 1 марта рабочие Коломенского завода явились на работу «по гудку», ещё затемно. Как водится, перед работой сели покурить, разговаривали. Из уст в уста передавали слух: «Что-то случилось!» Но никто не знал, что именно. После начала работы по цехам пошли телефонные звонки, которыми вызывали на собрание уполномоченных больничной кассы. Это была выборная структура рабочих представителей, зачаток профсоюза металлистов. Собравшимся представитель дирекции прочитал телефонограмму из Петербурга, сообщавшую об отречении царя и переходе власти к Комитету Госдумы. Обсудив ситуацию, уполномоченные решили собрать заводской митинг. Но сначала разошлись по цехам и провели летучие митинги, сообщив товарищам о полученных известиях. Рабочие слушали сосредоточенно, недоверчиво, долго обсуждали новости.

Перед обедом заводчане потянулись в цех паровозной сборки, огромное помещение которого едва всех вместило. Люди облепили паровозы, краны, любые возвышенности.

На штабель рельсов взобрался рабочий В. Г. Чиркин и, от волнения и восторга срываясь на крик, прочитал сообщение о свержении царской власти, отречении царя и переходе власти в руки Временного комитета. Последние слова Чиркина потонули в приветственных криках и аплодисментах.

В тот день у главной заводской конторы собрался ещё один митинг. По его завершении огромная масса народа с красными знамёнами двинулась по Бобровскому шоссе к городу. В толпе демонстрантов перемешались рабочие, служащие, инженеры, торговцы, интеллигенты. У всех на груди были красные розетки, и даже полицейский пристав, ехавший впереди на лошади, украсил свою грудь этим революционным символом. Около городского кладбища шествие встретил священник кладбищенской Петропавловской церкви с причтом. Благословляя, он осеял шествие крестом, время от времени восклицая: «Христос воскрес!»

Тем же вечером домой к Брушлинскому зашёл член земской управы Н. В. Кашперов, предложивший собрать экстренное совещание общественных деятелей Коломны. Обратились к тем, кого считали дельными и способными к действиям людьми, приглашая к десяти вечера явиться в здание управы.

Собрались главным образом земские служащие и члены правления Колумсоюза — организации, управлявшей деятельностью и представлявшей интересы торгово-закупочных кооперативов, созданных во время войны для обеспечения уезда продовольствием.

Резонно предположив, что дальнейший ход событий во многом зависит от позиции, которую займут военные, решили выяснить настроение гарнизона. С этой целью пригласили командира 198-го запасного пехотного полка полковника Маянского и нескольких старших офицеров.

Командующий гарнизоном Василий Иванович Маянский был типичным армейским служакой, карьера которого во многом сложилась благодаря войне и личной отваге. Родился он в 1871 году в Костроме, там же окончил гимназию, после чего поступил в Казанское юнкерское училище. После училища служил в пехоте. Первый офицерский чин подпоручика получил 14 мая 1896 года, в день коронации императора Николая Второго. Не имея иных доходов, кроме жалованья, женился, когда перевалило уже за тридцать, — до этого возраста неимущие офицеры должны были подавать начальству рапорт, испрашивая разрешение на брак. В 1905 году у Маянского родился сын Авенир, в 1912 году — дочь.

В полку Василий Иванович слыл лучшим стрелком, и именно его в апреле 1910 года делегировали на соревнования в столицу, куда съехались лучшие армейские снайперы. Лучшим среди лучших стал именно поручик Маянский, завоевавший приз, учреждённый императором. Вскоре после этого последовало повышение в чине.

С началом мировой войны командовавший 9-й ротой 181-го Остроленского полка штабс-капитан Маянский отправился на фронт. В июле 1915 года во время боёв под деревней Майдан-Скржинецкий получил сквозное пулевое ранение. После госпиталя уже подполковником вернулся в полк, приняв под команду 3-й батальон. Новый бой — и новое ранение, шрапнельное, в голову. Снова госпиталь, и опять возвращение в полк. В 1916 году подполковник командовал 4-м батальоном Остроленского полка и в ходе боёв за Кутовщинский лес во время наступления под Барановичами 20 июня 1916 года в третий раз был ранен — пулей навывлет.

Из госпиталя выписался 23 ноября 1916 года и на фронт больше не попал. Ему присвоили чин полковника и отправили командовать 198-м запасным полком, расквартированным в Коломне. По старшинству чина он стал командиром местного гарнизона.

Революция не удивила и не испугала Маянского, ибо лично ему терять было особенно нечего. В 12-й графе послужного списка об имущественном положении по состоянию на 27 ноября 1916 года указывалось: «Родового или благоприобретённого имущества не имеет ни он, ни жена». Семь боевых орденов, в том числе орден св. Георгия IV степени, шашка с орденом знаком св. Анны IV степени, как казалось Василию Ивановичу, обеспечивали ему гарантии неприкосновенности и уважение любой власти.

Вечером 1 марта 1917 года в земской управе полковник быстро согласился «встать на сторону новой власти» и отправился в городское офицерское собрание, чтобы переговорить с подчинёнными. Вернувшись, сообщил, что командный состав гарнизона признаёт власть Временного комитета.

* * *

Хлопотным выдался третий день новой эры, выпавший на 2 марта 1917 года от Рождества Христова — в Коломенском уезде спешно формировали органы нового управления. Было созвано широкое собрание с представительством рабочих. По сути, это был аналог новгородского вече, которым ловко манипулировали коломенские общественные деятели, большей частью служившие в земстве. Ничего удивительного в этом нет.

Земство было наиболее самостоятельной, не государственной, а общественной структурой, способной к самоорганизации. В сложившейся ситуации оно оказалось наиболее готовым к соответствующим действиям.

Путём простого голосования сформировали Исполнительный комитет, в состав которого вошли представители земства, городской управы, кооперативов, рабочих и военных. Комиссаром и представителем Временного правительства в Коломне избрали доктора Брушлинского. Сразу же после собрания Исполком отдал приказ разоружить полицию, арестовать жандармов и высших чинов полиции. Так прекратили своё существование остатки царской административной системы, на смену которой пришли выборные органы.

На другой день Исполнительный комитет принимал военный парад. Председатель обратился к частям гарнизона с речью, по окончании которой вместо царского гимна впервые прозвучала революционная «Марсельеза». В тот же день Исполком написал первое обращение: «Граждане! Свершилось великое дело — рухнул старый строй, приведший страну в такое ужасное положение. Представители народа в лице Государственной думы и армии взяли власть в свои руки. Разруха государственной жизни так велика, что лишь при дружной, полной, беззаветной любви к Родине, работе всего населения возможно вывести нашу Родину на новый, светлый путь. Граждане! Сохраняйте полное спокойствие, продолжайте свой мирный созидательный труд, относитесь с доверием к новой власти в лице Исполнительного комитета и его избранника. Помните, что сейчас от нас самих зависит вопрос — быть или не быть свободной России».

Больше всего времени для выработки позиции потребовалось духовному ведомству. Пауза затянулась аж до 12 марта, но ничего контрреволюционного и от коломенского священства не последовало. Судя по отчёту, опубликованному в «Московских церковных ведомостях», 12 марта 1917 года в здании Троицкой церковноприходской школы состоялось собрание коломенского духовенства, учителей духовного училища и церковноприходских школ «для свободного обмена мнениями в связи с обновлением государственного строя в России». Всего пришло 60 человек. Председательствовал на собрании священник Озерецковецкий, который позволил высказаться каждому из присутствовавших. Как отмечено в протоколе, «обмен мнениями прошёл оживлённо».

Для разработки вопросов организационного, идейного и программного характера прямым, тайным и равным для всех присутствовавших голосованием выбрали Исполнительный комитет духовного ведомства в числе одиннадцати человек (девяти членов и двух кандидатов). Из них было трое священников, два диакона, псаломщик, два учителя Духовного училища и три учительницы церковноприходских школ. В финале постановили приветствовать Временное правительство в лице представляющего его в Коломне комиссара Б. А. Брушлинского и передать ему следующую резолюцию: «Собрание духовенства, учителей Духовного училища и церковно-приходских школ г. Коломны, выражая полную преданность новому правительству державы Российской и свою душевную готовность служить обновлённому государственному строю, искренно моля Господа: да благословит Он промыслительно правительству нашему в настоящий великий исторический момент в многотрудном деле устройства нашего отечества».

на пороге его новой жизни, да исполнит Он всех сынов нашей великой Родины братской любовью и общим воодушевлением к единому сердцу и мирной работе на общегосударственное благо и наше общее счастье. Да поможет Всевышний нашему доблестному воинству и его военачальникам достичь славной и решительной победы над грозным и опасным врагом, при общем содействии им в этом деле всего русского народа утвердить Россию на пути истинной свободы, могущества и силы. И да воссияет Он, Милосердный, лучом свободы над матерью нашей — Церковью Православной, которую так долго держал в узех и гнёте рабства прежний государственный строй, и даст ей возможность при новом правительстве и обновлённом государственном строе быть в полном смысле живой и животворной Церковью живого Бога, неколебимым столпом Христовой истины и нелицемерной провозвестницей возвышенных начал мира, любви и правды между людьми».

Это послание было утверждено и 14 марта 1917 года вручено Брушлинскому. Таким образом, церковь — последний оплот империи — и та приветствовала новый строй. Решительно никому в эти дни было ни чуточки не жаль рухнувшей империи и отрёкшегося императора.

* * *

В марте–апреле 1917 года из эмиграции вернулись центральные комитеты революционных партий, а из тюрем и с каторги были освобождены все политические заключённые. После амнистии, объявленной Временным правительством, в Коломне высадился целый десант опытных деятелей революционной борьбы.

Центральной фигурой в этой когорте, вне всякого сомнения, был Василий Егорович Левшин. Ему исполнилось только 27 лет, но это был уже весьма опытный руководитель и организатор политической работы, с большим тюремным стажем. Он примкнул к движению в 1905 году, в возрасте 15 лет, когда был учеником рабочего на Коломзаводе. После разгрома организации и серии провалов 1906–1907 годов Василий, которому едва исполнилось восемнадцать, возглавил подпольную организацию, называвшуюся «Коломенский район окружной организации РСДРП». Его делегировали в партийную школу на Капри, куда он добирался, нелегально перейдя границу с контрабандистами. В Италии он слушал лекции Луначарского, Горького и других весьма известных деятелей социал-демократии. С Капри перебрался в Париж, где встречался с Лениным и людьми из его окружения, выслушав несколько лекций по тактике нелегальной работы.

Применить эти знания на практике почти не удалось, потому что вернувшиеся в Россию выпускники партийной школы стали жертвой полицейской агентуры, внедрённой в их ряды. После двух месяцев работы Левшин провалился, и в 1911 году его приговорили к четырём годам каторги, заменённой тюремным содержанием. Наказание он отбывал в Бутырской тюрьме, а в 1914-м его выслали в Восточную Сибирь, в город Киренск.

В тюрьме и ссылке Василий Левшин усиленно занимался самообразованием, выучив три иностранных языка, чтобы в подлиннике читать работы по теории марксизма.

В Коломну вернулась и супруга Левшина — также «проверенный партийный товарищ» Ираида Ульяновна Карасёва, потомственная, можно сказать, революционерка. Её отца Ульяна Карасёва, рабочего петербургского завода «Леснер», посадили за участие в революционном движении, а потом выслали из Петербурга, запретив проживать в Москве и губернских городах. Карасёвы осели в Коломне и, едва обнаружили в окрестностях зачатки революционной организации, примкнули к ней. Старший Карасёв, его сын Александр, дочь Мария стали членами подполья, а Ираида, тогда совсем ещё девчонка, помогала, чем могла. Стояла караульщицей, когда собирались сходки, бегала с записками, исполняла другие мелкие поручения. Во время демонстрации 11 декабря 1905 года, когда колонна революционеров в надежде захватить власть в Коломне шла от завода в город и напоролась на заставу казаков и горожан, четырнадцатилетней Ираиде крепко досталось в драке. Спустя неделю после побоища у Петропавловского кладбища в руки отряда Римана попал её отец, которого расстреляли в числе 24 человек, арестованных в Голутвине и Боброве 18 декабря 1905 года. Так, по крайней мере, она говорила. (Однако, как ни покажется странным, факты этого не подтверждают.) Как бы то ни было, но гибель отца лишь прибавила молоденькой девице твёрдости, а путь борьбы с самодержавием она выбрала для себя уже давно.

Дальше было, как у многих других: подпольная работа, аресты, три отсидки в тюрьме, высылка в Сибирь к мужу.

* * *

Несмотря на то, что безусловным харизматическим лидером рабочих был Левшин, имевший огромный опыт подпольной работы, образованный, учившийся в партийной школе, официальным представителем Московского окружного комитета РСДРП(б) стал вовсе не он. Дело в том, что товарищ Левшин выступал за тесное сотрудничество с меньшевиками, а большевистская «окружка» настаивала на создании собственной обособленной организации. Её поручили создать Яну Яновичу Грунту, специально с этой целью отправленному в Коломну.

Этот посланец окружной организации РСДРП(б) был также очень молод — на два года младше Левшина. Имел похожую биографию, с той лишь разницей, что уроженцу Риги Яну Яновичу удалось поучиться в гимназии. Но в том же возрасте, что и Левшин, старшеклассник Грунт примкнул к социал-демократической организации, следствием чего стал его арест в 1907 году и суд. Приговорили его к пяти годам каторжных работ, но так как Ян ещё был несовершеннолетним, каторгу ему заменили тюремным заключением. Свой срок он отбывал в Бутырской тюрьме, выйдя на волю в 1912 году.

Вернувшись в Ригу, Ян Грунт снова погрузился в пучину революционной борьбы, став журналистом подпольной прессы, агитатором и организатором подполья. В 1913-м его снова арестовали и по приговору суда сослали в Нарымский край. Сбежав с места ссылки и проживая на нелегальном положении, Ян Грунт создал в Москве социал-демократическую организацию, связанную с Московской окружной организацией РСДРП.

В 1915-м эсдековское подполье в Москве провалилось, его участников судили, и среди прочих Грунт получил четыре года каторги.

После амнистии Временного правительства Ян Янович приехал в Москву и, по его собственному признанию, «случайно» был командирован в Коломну в качестве партийного организатора от московского окружного комитета.

Несмотря на то, что Комитет РСДРП был ещё общим, большевику Грунту было приказано сформировать в Коломне отдельную от меньшевиков большевистскую организацию — РСДРП(б). Денег у Московской окружной организации не имелось, а потому ставка делалась на энтузиазм. Приехавший на работу в Коломну товарищ Грунт жил за свой счёт. Его поддержали товарищи-социалисты, устроив на службу инструктором по кооперации в Коломсоюз, где служили многие члены партии социалистов-революционеров.

* * *

Самые сильные на тот момент позиции в городе и уезде были у партий конституционных демократов (кадетов) и социалистов-революционеров (эсеров). Первых поддерживали горожане, а за эсеров горой стояло уездное крестьянство, ибо эта партия предлагала самую соблазнительную для мужичков программу земельной реформы. Социал-демократы имели традиционно сильные позиции на машиностроительном заводе и в посёлках, выросших вокруг него.

На Коломенском и Бочмановском заводах работало около 500 латышей, эвакуировавшихся из Прибалтики, когда туда пришли немцы. Живя в Боброве, они объединились в землячество, в котором зародилась некая инициативная группа, ставившая любительские спектакли. Таким образом собирали деньги в пользу арестованных по политическим делам. Ещё в 1916 году лидеры латышей Румба и Якобсон познакомились с эсдеками Семячкиным, который руководил щуровским драмкружком, и Бессоновым, выборным больничной кассы на Коломзаводе. Те помогали актёрам-любителям получать помещения для спектаклей.

В марте 1917-го культурно-просветительские кружки Щурова, и латышский в том числе, объединились в клуб под названием «Вперёд». Большинство членов клуба были рабочими, но к ним примкнули и все жившие в Щурове интеллигенты: врачи, учителя, заводские служащие и учащаяся молодёжь. При столь разнородном составе участников политические предпочтения членов клуба охватывали весь партийный спектр. Когда на первом организационном собрании встал вопрос о создании ячейки политической партии, врач Крафт предлагал примкнуть к кадетам, вернувшийся с военной службы матрос С. Ф. Истомин агитировал за эсеров, а Бессонов объединил вокруг себя эсдеков.

На базе клубной фракции к концу марта 1917 года в Щурове была создана ячейка РСДРП, в которую, кроме Бессонова, вошли П. И. Шарاپов, К. и Ф. Зеленцовы, Н. А. Пантелеев, Н. А. Семячкин, Н. Т. Чулин, М. Н. Цыплаков, Август Недрит и Филин по прозвищу Самойлыч, в саду которого проводились партийные собрания. Латыши создали свою социал-демократическую организацию и избрали комитет в составе Румбы,

Крутины, Якобсона, Янерсона и Кумпэ. Первое время вся организация состояла из десяти человек, но к лету увеличилась до 87 членов и превратилась в довольно значительную партийную силу, с которой следовало считаться.

На Коломзаводе вожаком социал-демократов был Василий Егорович Левшин, пользовавшийся большим авторитетом. На тот момент он не желал строить отдельную большевистскую организацию. «К сожалению, тов. Левшин был увлечён строительством объединённой организации, — впоследствии писал Грунт в своих мемуарах. — Без Левшина организационная работа на заводе была почти невозможна, а потому до времени пришлось оставить завод в покое, дожидаясь, когда Левшин перейдёт к нам».

В том, что это произойдёт, Грунт не сомневался — рано или поздно раскол у «беков» и «меков» должен был оформиться из-за слишком большой разницы в оценке событий и методах работы.

В апреле 1917-го все политические силы стремились «набрать вес» накануне созыва Учредительного собрания, которое должно было определить дальнейшую судьбу страны, дать ей парламент, сформировать правительство. От количества членов партии и их возможности влиять на избирателей зависело представительство на Учредительном собрании. В уезде шла отчаянная борьба за политическое лидерство, добиться которого можно было, только опираясь на большую по численности, разветвлённую организацию.

К апрелю 1917 года в городской социал-демократической организации большевиков состояли Ян Грунт, его жена Софья, Н. А. Смоленский, В. И. Болонников, товарищ Дерчанская, товарищи Гусев и Панин. Составлявшие костяк группы супруги Грунт, Дерчанская и Смоленский были людьми приезжими, нездешними. Их мало кто знал, и влияния они не имели.

Чтобы увеличить число членов группы за счёт местных товарищей, Грунт организовал кампанию по приёму в партию. Над своим столом в инструкторском отделе Коломсоюза Ян Янович повесил объявление: «Здесь происходит запись желающих в партийную организацию РСДРП(б)». Объявления аналогичного содержания он разослал во все учреждения Коломны.

Эти призывы были услышаны. Спустя несколько дней в организацию записались бухгалтер земской управы А. Тулинов, рабочие Бочмановского завода Бурмистров и Белов, а за ними — ещё несколько человек.

Первое общее собрание городских большевиков состоялось в апреле 1917 года в беседке сада Коломсоюза. Тогда выбрали бюро из трёх товарищей. Постановили открыть книжный склад «Социал-демократ» для торговли партийной литературой и чтобы иметь место для сбора и работы бюро. Заведовать складом поставили исполнительного земца Тулинова, который отвёл для нужд организации свой личный сарай при доме на Алексеевской улице.

Из заводской организации к городским большевикам «перебежали» лишь несколько человек. В массе своей рабочие-партийцы шли за Левшиным, а он продолжал выступать за сотрудничество с меньшевиками. Хитроумный Грунт, выждав некоторое время, пошёл на конфликт

с меньшевиками, обострив ситуацию до такого состояния, когда Василию Егоровичу нужно было сделать решительный выбор — с кем он? Это был риск, но он того стоил.

* * *

В конце мая, дождавшись собрания объединённой организации, состоявшегося в бобровском рабочем театре, Ян Грунт прибыл к месту действия вместе с частью своей городской группы большевиков. На повестке дня стоял вопрос о противоречиях между разными социалистическими партиями. По свидетельству А. Тулинова, собрание проходило бурно. Лидер меньшевистской группы Чиркин (тот самый, который прочитал сообщение об отречении царя на заводском митинге) энергично нападал на большевиков. В самый разгар полемики Грунт взял слово «в порядке обсуждения вопроса». Он поднялся на трибуну и, заявив, что коломенская организация большевиков ничего не имеет общего с объединённой организацией, призвал всех настоящих большевиков немедленно покинуть зал. С пением «Интернационала» Грунт демонстративно пошёл к дверям в фойе. За ним потянулись немногочисленные сторонники.

Выйдя в фойе, осмотрелись и поняли, что зал покинули только городские большевики и несколько членов заводской организации. Чтобы подбодрить расстроенных неудачей товарищей, Ян Янович пытался шутить, говорил: дескать, не беда, не вышло сегодня, глядишь, в другой раз получится. Тем временем за дверями зала нарастал шум. В зале явно что-то происходило...

Вдруг двери распахнулись, и в фойе быстрым шагом вышли Левшин, Карасёва, Шкаликов, Румба, Соболев, Большев, Панин, Королёв, Антонов, Крылов, Астахов. За ними повалили другие большевики, и вскоре вокруг Грунта и его товарищей уже собралось более четырёх десятков человек из заводской партийной организации. Так партийный раскол оформился окончательно.

Обособившись в отдельную группу, большевики избрали первый комитет, в который вошли Левшин, Грунт, Карасёва, Петухов, Лазарев и некоторые другие.

Тогда же, в мае, возникла большевистская ячейка в старой вотчине социал-демократов в Сергиевских Выселках, где опытный подпольщик Максимовский создал партийную группу в составе И. П. Соловьёва, М. П. Соловьёва, А. Шкаликова, В. В. Соловьёва, А. И. Червова, И. Д. Червова и И. М. Романова.

* * *

Грунт и Левшин довольно удачно поделили власть. Авторитет Василия Егоровича среди рабочих позволял активно действовать на заводе — главном объекте приложения сил большевиков. Изворотливый и бойкий на всякие придумки, Ян Янович, являясь главой организации, разрабатывал и осуществлял различные акции, дававшие возможность стремительно набирать очки, завоёвывать симпатии и укреплять авторитет среди политически активной части населения.

Разделавшись с объединённой социал-демократической организацией на заводе, Грунт, используя своё положение «засланного казачка», принялся за главных политических конкурентов. Он по-прежнему числился служащим инструкторского отдела Коломсоюз, а этот отдел являлся гнездом эсеровской организации — там сконцентрировались главные деятели. Как заправский секретный агент, Ян Янович активно собирал информацию и не упускал случая ею воспользоваться.

Как-то раз ему в руки попала записка от администрации Щуровского цементного завода, просившей прислать кого-нибудь из эсеровских ораторов на собрание рабочих, конфликтовавших по экономическим вопросам. Никому ничего не сказав, Грунт бумажечку припрятал.

В назначенный день вместе с товарищем Сарычевым на велосипедах они поехали на Щуровский цементный завод. Не подозревавшая подвоха дирекция встретила представителей инструкторского отдела очень радушно, предложив по окончании собрания поужинать «в тесном кругу».

Рабочие-цементники, ожидая, что сейчас их будут уговаривать подчиниться требованиям администрации, встретили ораторов неприветливо, даже агрессивно. Но по мере того, как Грунт и Сарычев, сменяя друг друга, говорили, настроение менялось, и финал выступления потонул в овациях. Рабочим понравилось, что оба выступают «против господ», а за что именно ратовали, никто особенно не задумался.

Ужин с администрацией, разумеется, не состоялся. Но агитаторам было гораздо важнее, что рабочие Щуровского цементного завода, и без того весьма боевито настроенные в отношении к Временному правительству и партиям, которые его поддерживали, отныне стали надёжной опорой большевистской организации.

Окончательно рассорился с приютившими его на первых порах эсерами Ян Янович после того, как «увёл» у них газету. Не разобравшись ещё, что за фрукт окопался в инструкторском отделе, считая его социалистом, только немного другого направления, эсеры попросили Грунта помочь организовать печатный орган. Точнее, газета должна была выходить на деньги партии эсеров, но от имени Коломенского союза кооператоров. По задумке организаторов, газета должна была получиться «трёхцветной»: в равных долях отражать позиции социалистических организаций, став совместным органом эсеров, меньшевиков и большевиков, которые выступали единым фронтом против кадетов, октябристов и монархистов разной формации.

У самих коломенских эсеров не было человека с достаточным журналистским и редакторским опытом, а Ян Грунт как-никак и сам писал, и подпольную типографию организовывал, и распространением литературы занимался. Мигом оценив открывавшиеся возможности, Грунт согласился, но ни о какой «трёхцветности» при этом и не помышлял.

Первый номер он выпустил сам, без всякого участия братьев-социалистов. Для второго номера большую статью, посвящённую аграрному вопросу, дал лидер эсеров товарищ Комиссаров, который совершил непростительную для политика даже уездного масштаба ошибку. «То ли по простоте, то ли по глупости, — писал Грунт в своих мемуарах, — но Комиссаров допустил в своей статье большевистский подход к решению земельного вопроса».

Тут бы и порадоваться, что товарищ-социалист сходитя с мнением твоей партии. Ан нет! Товарищ Грунт увидал в этом лишь отличный повод нанести удар по позициям эсеров. Он поместил статью Комиссарова целиком и присовокупил собственный комментарий, в котором обвинил эсеров... в воровстве большевистской программы и указал на идейное бессилие. Возмущению эсеров не было предела. Деньги на газету они больше не дали, а самого товарища Грунта попросили выйти из Коломсоюза вон.

Но Ян Янович по этому поводу не больно-то тужил. Большевики в Москве и Подмоскowie значительно окрепли и уже могли позволить себе содержать партийных работников за собственный счёт, чтобы те целиком отдались организационной работе.

* * *

В июне 1917-го большевики добились разрешения открыть в городе собственный клуб. Им было необходимо место для собраний. Не век же сходитья в сарае Тулинова на Алексеевской улице! Организацию клуба комитет поручил комиссии в составе Бушуева, Н. Крылова и В. Аксёнова. Свободные и вполне подходящие помещения имелись, но они принадлежали частным лицам, по большей части купцам, которые нипочём не желали связываться с большевиками. После долгих поисков присмотрели пустующий, требующий ремонта двухэтажный домик на перекрёстке улиц Поповской и Каширской. Место удобное — почти центр города. Домовладелец Егоров сдавал дом в аренду военному ведомству, которое зданием не пользовалось. Когда члены клубной комиссии пришли в штаб гарнизона, чтобы обсудить вопрос о субаренде дома с полковником Маянским, им сказали, что тот живёт на даче в Подлипках. Комиссия в полном составе пошла пешком в Подлипки и по дороге встретила ехавшего навстречу в пролётке Маянского. Остановив коляску прямо на дороге, большевики завели разговор о клубе. Они обещали отремонтировать дом за свой счёт, а формально он оставался бы всё ещё принадлежащим военным. Больше из-за напора «уговаривавших» на пустынной загородной дороге, нежели соблазнившись экономическими выкладками, Маянский согласился и выдал записку домовладельцу, в которой извещал, что препятствий для организации в помещении, находящемся в его ведении, политического клуба не видит.

В городском Совете рабочих и солдатских депутатов, где в то время распоряжались меньшевики, большевикам, обратившимся за помощью, в средствах на ремонт отказали. Тогда пустили подписку среди партийцев и рабочих, собрали кое-какие деньги и материалы. Ремонт сделали своими руками Крылов, Буханов, Соболев, Петухов, Аксёнов, Крылов, Панин, Астахов, Лазарев и другие. Через неделю в клубе уже кипела жизнь.

Каждую неделю по пятницам собиралось общее собрание всех членов коломенской районной организации. По субботам сходиля теоретический кружок, по вторникам заседал районный комитет большевиков. По понедельникам читали лекции для «сочувствующих».

Расколов заводскую партийную организацию, большевики, используя авторитет Левшина и поддержку партийцев, которых хорошо знали на заводе, прибегли к тактике «выдавливания» меньшевиков и эсеров из органов заводского самоуправления.

Их политические конкуренты сосредоточили основные силы в правлении профсоюза и Совете рабочих депутатов, мало обращая внимания на низовую структуру — комитет цеховых старост, казавшийся им не таким и важным. Но именно цеховые старосты стояли ближе всех к рабочей массе, и атака большевиков началась именно оттуда, хотя и в этом комитете большевики были в меньшинстве — из девяти членов лишь трое: Урываев, Мурин и Петухов. В качестве главного оружия избрали проверенную систему натравливания рабочих. В прежние времена их науськивали на мастеров, теперь стали твердить, что меньшевики в заводском Совете рабочих депутатов и Комитете профсоюза являются «соглашателями», объясняя сложный термин просто — «они за начальство и во всём поддерживают его интересы».

Чем упрощёнее форма агитации, тем эффективнее — это было открыто задолго до того, как на свет появились большевики и меньшевики. Старый рецепт не подвёл, и постепенно большевикам удалось вытеснить меньшевиков из комитета старост, заменив однопартийцами. Уже при поддержке комитета старост, имевшего большое влияние на рабочую массу, большевики провели на ключевые посты правления профсоюза своих представителей. Председателем правления стал Левшин, а членами — Бессонов, Урываев, Лактанов, Карасёва и Петухов.

Теперь большевики нацелились на Совет рабочих депутатов. Чтобы проникнуть туда, они попытались организовать отзывы депутатов-меньшевиков избравшими их рабочими. Но в заводском Совете позиции меньшевиков были гораздо прочнее, захватить структуру с налёту не удалось. Пришлось как-то приспособливаться, и, не имея возможности действовать явно, большевики не упускали случая использовать в собственных целях разные ситуации.

Так, в июне 1917 года они приняли участие в демонстрации, организованной Советом «для подъёма энтузиазма трудящихся, занятых производством оружия, боеприпасов и снаряжения для фронта». Собравшись у проходных Коломзавода, демонстранты направились в Бочманово, к снаряжному отделу. Перевалив через железнодорожные пути, от голутвинского вокзала зашагали по новенькому шоссе, проложенному в 1916 году, неся над головами транспаранты: «Война до победного конца!», «Все к станку!», «Поднимайте производительность труда!». Большевики подняли над головами свой транспарант — «Долой войну — вся власть Советам!», но их попросили его убрать, и они подчинились.

У ворот снаряжного отдела шествие остановилось. Начался митинг. Дальнейшее член правления профсоюза товарищ Петухов в своих мемуарах описал так: «Работу на заводе по такому случаю остановили. Стали говорить речи. Сначала выступали меньшевики, потом наши товарищи: председатель профсоюза Левшин, а после него говорила товарищ Карасёва. Она звонким голосом обратилась к женщинам, составлявшим

большинство работавших на заводе, и в краткой, но содержательной речи разъяснила им, что предатели народа призывают их к усиленному труду над снарядами, которые будут направлены против их же сыновей, мужей и братьев, увеличивая число вдов и сирот. Потом говорил Лазарев, один из наиболее авторитетных рабочих Бочмановского завода, член заводской ячейки большевиков. Он призвал рабочих вместо того, чтобы усилить работу, как призывает Временное правительство, совсем её прекратить. После этих речей весь завод, до того момента и не помышлявший о забастовке, остановился в знак протеста против войны. Меньшевики метали громы и молнии по нашему адресу. Через свои уездные органы власти они пытались даже арестовать товарищей Левшина и Лазарева, но не смогли их разыскать».

Это утверждение не совсем верно. Большевиков хотели не арестовать, а призвать в армию и отправить на фронт. Через присутствие воинского начальника (аналог современного военкомата) Левшин и Антонов получили повестки о призыве. Левшин отказался категорически, а авторитет его среди рабочих был столь велик, что его не рискнули тронуть. Антонов же, напротив, посчитал, что выпал отличный шанс проникнуть в солдатскую среду. Явившись на призыв, он оказался в казармах среди солдат и начал активную агитацию и пропаганду в Коломенском гарнизоне.

* * *

Первое время серьёзную работу в казармах наладить не удавалось из-за постоянной ротации личного состава. На базе запасных полков Коломенского гарнизона формировали маршевые роты и отправляли их на фронт. С солдатами просто не успевали завести надёжные контакты. Но каждая новая партия призванных прибывала со всё более усугубляющимся отрицательным настроением к войне, подчинению, соблюдению элементарной дисциплины. На волне таких настроений пропаганда давала всё больший эффект. Агитаторы большевиков смогли наладить хорошие связи с нижними чинами 196-го, 21-го и 84-го запасных пехотных полков. Им удалось распропагандировать 6-ю роту 196-го полка до такой степени, что 9 июля 1917 года она вышла на митинг, к которому присоединились ещё две-три сотни солдат. Выступавшие на митинге протестовали против травли и шельмования большевиков в буржуазных газетах и приняли следующую резолюцию: «Обсудив вопрос о травле буржуазных газет, направленной против большевиков, в частности Ленина и Зиновьева, мы горячо протестуем против гнусной клеветы на наших товарищей и выражаем им полное сочувствие, обещаем им полную нашу поддержку в их борьбе».

Резолюция имела известный резонанс. О ротном митинге и его резолюции доложили военному министру Керенскому, и тот приказал отправить 196-й полк на фронт. Подчиняясь приказу министра, начальник гарнизона Маянский отдал приказ о передислокации полка в район боевых действий. Но не тут-то было! Митинговать в тылу — это одно, а воевать с немцами — это уж... извините! Гарнизон забузил.

Тут же подключился комитет большевиков и на заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 10 июля принял резолюцию, осуждавшую приказ Керенского. На следующий день в бо-

бровском театре, выступая на общем собрании Совета, Левшин говорил о наступлении контрреволюции на завоевания рабочих и крестьян, о том, что планируются закрытие завода и массовые увольнения. По словам оратора, местный гарнизон является горячим участником в общем деле, и потому следует исследовать источники и мотивы приказа об его отправке из города.

Слово взял товарищ Антонов, призвавший, как он сказал, «осмотреться», обратив внимание на ингушей, служивших в заводской охране «Вспомните историю ингушей, — призывал Антонов, — они находились в услужении помещиков для расстрела рабочих и крестьян. Зачем же они теперь на заводе? Обратите внимание. Увод солдат вызывает серьёзные размышления при сопоставлении с фактом наличия ингушей».

Надо сказать, Антонов угодил в точку. Во время смуты 1905–1907 годов черкесы и ингуши, целыми отрядами нанимаемые владельцами предприятий, в особенности сельских поместий, показали себя отменными бойцами и охранниками. Именно эти частные вооружённые отряды весьма успешно боролись с «аграрными беспорядками», «сельским террором» и прочими проявлениями народного гнева, вылившимися в погромы, поджоги и грабежи. Таких историй была не одна и не две, а потому революционеры вполне резонно опасались, что и в 1917-м боевитые кавказцы в решающий момент пустят кровь активистам. Солдаты же были вооружённым противовесом, придававшим уверенность.

Горячась, товарищ Антонов говорил, что солдаты должны стоять на страже интересов революции, иначе буржуазия победит и повторится история с Парижской коммуной, когда революционным пленникам выкалывали глаза.

Ораторы, правда, забыли упомянуть, что ингушей на заводе было... десять человек во главе с их начальником Циевым. Это было неважно, сколько их. Главное — найден отличный повод, чтобы удержать распространённых военных в городе.

Подлинная причина бузы заключалась в том, что летом 1917 года военное командование по приказу Временного правительства предприняло попытку наступления. На юго-западном фронте развернулись тяжёлые бои, войска несли тяжёлые потери. Обитателям тыловых казарм вовсе не хотелось лезть под пули. Им годился любой повод, чтобы уклониться от отправки на фронт. Не было бы ингушей, придумали бы ещё что-нибудь.

Подогрев собственные страхи рассказами о коварстве и лютости буржуазии, скорой на расправу с пролетариями, на собрании приняли резолюцию, осуждающую политику Временного правительства. Депутат Шубинский от имени 196-го полка заявил: «Пока не будет обеспечена безопасность рабочих, мы на фронт не уйдём». Выполнить приказ военного министра отказались. Сформировали делегацию коломенского Совета для переговоров со штабом округа и Временным правительством, чтобы «расследовать источники причин приказа по уводу 196-го полка».

Перед таким напором наглости правительство спасовало, и полк остался в Коломне. Это был полный крах дисциплины, сопровождавшийся ростом авторитета большевиков среди так называемых солдат, по сути, являвшихся дезертирами. Большевики наглядно доказали, что могут «по нахалке», без всяких на то причин «отмазать» от фронта.

Неделей позже того в Коломне получили известие, что в Петрограде большевики предприняли попытку государственного переворота. Тулинов описывал события так: «Около двух часов ночи ко мне на квартиру постучал товарищ Петухов и предложил сейчас же идти в магазин, ключи от которого были у меня. Я оделся и вышел отпереть магазин, возле которого уже собрались Левшин, Карасёва, Лазарев, Грунт и другие товарищи. Когда мы вошли в помещение, Левшин сообщил, что получена телеграмма о восстании в Петрограде — кажется, это было 23 июля, — и предложил обсудить вопрос о тактике нашей организации. Решено было впредь, до получения дополнительных сведений из Петрограда, никаких реальных мероприятий не проводить, но предупредить рабочих, а также членов партии быть готовыми по первому требованию комитета партии явиться, куда следует».

Коломенский Совет, состоявший из представителей разных партий, решил удерживать возбуждённые массы рабочих от действий и выступлений «помимо Совета». Когда члены Исполнительного комитета, принадлежавшие к другим фракциям, обратились к большевикам с предложением совместно действовать в столь сложной ситуации, те отказались, заявив, что у них пока нет фракционного решения. Это была неправда — они уже получили от окружной организации телеграмму, призывавшую выводить народ на улицы, фактически провоцируя выступление, аналогичное петроградскому.

Исполком Совета созвал совместное с правлением профсоюза и заводским комитетом старост собрание. После яростных прений с большевиками 74 голосами против 17-ти было принято решение призвать рабочих от имени Совета в течение трёх дней не прерывать работ, не устраивать демонстраций и собраний, внимательно прислушиваясь к голосу своих организаций.

Большевики воспротивились, заявив, что не могут нарушать постановления своего центра и будут от его имени призывать к прекращению работ и демонстрациям. Но рабочие на их призывы не откликнулись, подчинившись Совету.

Ситуация для большевиков сложилась крайне опасная. Восстание в Петрограде подавили силами Преображенского и Семёновского гвардейских полков. Организаторов путча арестовали, а их лидер Ульянов (Ленин), скрывавшийся где-то в окрестностях столицы, был объявлен в розыск. Правительство опубликовало в прессе свидетельства того, что деятельность большевиков финансировали немцы. всплыла история с пломбированным вагоном, в котором верхушка большевистской партии проехала из Швейцарии через Германию, добираясь до нейтральной Швеции, откуда через Финляндию они попали в Россию. Писали об организации большевиками забастовок на предприятиях, выпускающих вооружение для армии, и много ещё кое-чего открылось неприглядного.

На Коломенском заводе начались конфликты. Казначей большевистской парторганизации товарищ Мурин вспоминал: «Ленина коломзаводцы первое время не знали. Колебался низ рабочей массы с того времени, когда в ход была пущена известная провокация о Ленине как о герман-

ской креатуре и запломбированном вагоне. Рядовой беспартийный рабочий спрашивал товарищей-меньшевиков: «Правда ли это?» В ответ те двусмысленно отмахивались, пожимали плечами, как бы давая понять: не повезут немцы ненужного им человека».

Куда как более откровенен И. И. Комиссаров: «В июле 1917 года в Петрограде рабочий класс вышел на улицы. Большевистской партии пришлось взять руководство им в свои руки. Мы в это время собрались по сигналу и ждали из центральных городов указаний. Но это движение было подавлено соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров. Нас было мало, но продолжали своё дело, хотя после июльской неудачи некоторые рабочие делали выкрики: «Большевики продались иностранному капиталу!»

В некоторых цехах введённые в заблуждение меньшевиками и эсерами накидывались на большевиков со стамесками в руках, кричали: «Мы вас в окно выбросим!» От слов нередко переходили к делу: ораторов-большевиков забрасывали болтами и гайками».

Совершенно развалилась организация РСДРП(б) в Озёрах, где Ян Грунт, приехав на разведку положения дел, с трудом отыскал несколько прежних членов партии. Он обещал вернуться, чтобы «информировать о текущем моменте». Послушать его народу собралось больше, но ненадолго, так что местных сил не хватило для организации озёрского районного партийного комитета. Пришлось туда посылать людей из Коломны.

В сёлах, как отмечал Грунт, ведению агитации очень мешали полевые работы. Из-за них не удалось собрать людей в Щурове и Полянах. Вместе с тем секретарь партийного комитета не скрывал, что там, где собрать людей удавалось, узнав, что он большевистский агитатор, его пытались бить. Так было в Хорлове, где он читал лекцию рабочим Дёминского завода, и на них напали местные милиционеры вместе с заведующим заводом. Собрание разогнали, «и только благодаря части рабочих, вставших на мою сторону, мне удалось уйти без побоев». В Ёлкино компанию большевиков разметали «несколько хулиганов и женщины». В Троицких Озёрках, куда Грунт явился на митинг, ему вообще не дали говорить. В Выселках — старой революционной вотчине коломенских социал-демократов — настроение оказалось «погромное». После 3–4 июля организация там распалась, и даже нескольких товарищей собрать не удалось.

Произошёл раскол в латышской секции, из которой несколько человек перешли к меньшевикам. Вместе с тем Грунт отмечал, что положение дел вполне утешительное: «Ушли ненадёжные товарищи, а на их место приходят более сознательные и верные идеям революционной социал-демократии. Произошло сортирование само собой полезных и неполезных членов. Намечаются наши группы в Протопопове, Васильеве и других местах. Скверно то, что совершенно нет интеллигентных работников на местах, а сами рабочие и крестьяне не имеют никакого опыта. Масса колеблется между нами и меньшевиками, эсеры начинают недолюбливать, и вот тут-то нужно как можно чаще нам говорить о себе, а говорить-то почти некому».

Секретарь районного комитета РСДРП(б) докладывал в Московский окружной комитет партии, что после событий в Петрограде наблюдалось «смтение даже среди организованных товарищей, были уходы из организаций», но вместе с тем ничего катастрофического не случилось,

и объединённая организация Российской социал-демократической партии несколько раз предлагала большевикам консолидироваться перед выборами в городскую Думу. Большевики на это не пошли принципиально.

* * *

На 20 августа 1917 года в Коломне были назначены выборы в городскую Думу. Большой вес могли иметь голоса солдат, расквартированных в городских казармах. Согласно постановлению Временного правительства от 15 апреля 1917 года «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», лица, состоящие на военной службе, принимали участие в выборах на общих основаниях, как горожане. Понимая это, среди военных активно работали пропагандисты левых партий.

Побочным эффектом предвыборной агитации стало заметное падение дисциплины. Чтобы прекратить процессы разложения армейского порядка, начальник гарнизона Маянский приказал не допускать в расположение посторонних лиц.

В казармах находился один из руководителей коломенской большевистской организации, Антонов, призванный несколькими неделями ранее и имевший связь с товарищами в городе. После приказа Маянского опытный большевистский агитатор начал внушать, что командиры «зажимают свободу», не дают солдатам в полной мере осуществлять свои политические права.

Его призывы подействовали, и в воскресенье 19 августа, ближе к вечеру, третья рота устроила сходку, на которой выбрала ротный комитет и председателя — рядового Никифора Нестерова, новобранца, бывшего чернорабочего. С первых дней службы Нестеров выделялся дерзостью, отказывался выполнять элементарные требования армейской дисциплины, утверждая, что при новой власти ему как мобилизованному это необязательно. Такое поведение сослуживцы расценивали как удаль и молодечество, а командиры на подобные выходки предпочитали «не обращать внимания».

Расценив выступление 3-й роты как проявление прямого неподчинения командованию, полковник Маянский отдал приказ не выпускать солдат из казарм и уехал за город, в Подлипки, на дачу, где квартировал тем летом.

С самого утра 20 августа солдаты 3-й роты вели себя вызывающе. Собираясь группами, они задирали офицеров и, не получая должного отпора, распоясывались всё больше и больше. Дело дошло до того, что Нестеров потребовал на собрание роты полкового командира, которому от имени солдат намеревался предъявить некие требования.

Ничего не подозревавший Маянский, вернувшись утром из Подлипок, прошёл в солдатскую столовую, чтобы проверить закладку продуктов. В честь выборов личный состав решили кормить по воскресным нормам, и, удостоверившись, что рационы выданы в полной мере, полковник собирался уже ехать на станцию Голутвин, где ждала отправки на фронт ударная рота. Когда он вышел из столовой, его окружила толпа возбуждённых солдат 3-й роты. Из-за их спин выдвинулся рядовой Нестеров, который заговорил с полковником на «ты» и потребовал присутствия на собрании.

Начальник гарнизона ответил, что должен ехать, и сел в пролётку. Вернее, попытался сесть... В этот момент на него набросились и стали избивать.

Досталось и солдату-кучеру, но главным образом зло вымещали на полковнике. Заслуженного офицера, трижды раненного кавалера боевых орденов тыловые шкуры избили, сорвали погоны, кокарду с фуражки, отняли орденскую шапку. С ног Маянского стащили сапоги и обули его в лапти. В головах бузотёров возникла блестящая мысль, реализация которой сулила массу грандиозных ощущений! Они захотели прогнать оборванного и обутого в лапти полковника по улицам Коломны. Пойти на этот шаг всё же не рискнули, испугавшись, что в соседнем, 80-м, полку, где дисциплина была покрепче, найдутся солдаты, которые отобьют начальника гарнизона и самим им по шеям навешают.

В толпу сунулись было штабс-капитан Беньковский и фельдфебель Бутов, попросившие отправить истерзанного полковника в лазарет. Их самих за это чуть не прикончили. Окровавленного Маянского отволокли на гауптвахту и заперли в камере.

Про голосование солдаты позабыли, весь день решая на митингах, что делать далее. Тем временем кто-то дал знать о событиях в Коломенском гарнизоне в штаб округа, и из Москвы экстренным поездом спешно выехала рота юнкеров во главе с помощником командующего Московским военным округом полковником Георгием Кравчуком. По прибытии в Коломну юнкера освободили Маянского, поместив на гауптвахту арестованного Нестерова и пятерых других нижних чинов, замеченных в особенной активности. Напуганные солдаты притихли и беспрекословно подчинялись офицерам.

Утром 21 августа арестованных под конвоем юнкеров отправили в Москву и отдали под трибунал. Сам же полк, признав «ненадёжной частью, потерявшей боеспособность», разоружили.

Из-за беспорядков солдаты так и не приняли участия в голосовании. Без их голосов в новой городской думе блок меньшевиков и «объединённой организации РСДРП» получил 19 мест, эсеры — 13, домовладельцы (это была организация кадетов) — 12, большевики — 9, блок демократических организаций — 3 и организация квартиронанимателей — 1.

* * *

В конце июля в Петрограде собрался VI съезд РСДРП(б), на который от Коломны делегировали Левшина. Вернувшись из столицы, Василий Егорович сообщил коломенским товарищам, что на съезде партии было принято решение взять власть в стране силой вооружённого восстания, и все местные партийные организации должны готовиться к действиям именно в этом направлении.

Параллельно с официальными воинскими частями в августе Временное правительство начало формировать вооружённые отряды левых политических партий — Красную гвардию. Поводом стала попытка группы высших военных чинов после июльских выступлений большевиков совершить собственный путч. В Петроград намеревались ввести части фронтовиков, люто ненавидевших «окопавшихся в тылу», и прихлопнуть революционную лавочку.

Лидером военных был заслуженный генерал Лавр Корнилов, занимавший должность верховного главнокомандующего. Временному правительству предъявили ультиматум: премьер Керенский должен прибыть в ставку в Могилёв, возглавляемое им правительство — уйти с политической арены. Вместе с тем по приказу Корнилова на Петроград двинулся корпус генерала Крымова.

На стороне правительства Керенского выступила коалиция левых сил, и путч, продолжавшийся с 25 по 31 августа, провалился. Железнодорожники отказались вести эшелоны с войсками, направленными на Петроград. К застрывшим на станциях солдатам послали ловких агитаторов, убедивших «не душить революцию в её колыбели». Люди в серых шинелях, у которых от калейдоскопических перемен политических событий и без того голова шла кругом, отказались выполнять приказания своих командиров.

Осознав невозможность исполнить приказ, генерал Крымов застрелился. В ставке и штабах активные участники заговора во главе с отрешённым от должности командующего Корниловым были арестованы. Их отправили в тюрьму белорусского города Быхова.

С переворотом было покончено, но распускать Красную гвардию не стали. В Коломне, где никаким путчем и не пахло, также сформировали Красную гвардию, правда, безоружную. Городской СЗвет отказался вооружать большевиков. Во время переговоров в доме Шанина на Астраханской улице большевикам прямо сказали, что опасаются, как бы выданное для защиты от контрреволюционеров оружие они потом не повернули против соратников.

Мера была здравая, но запоздалая. Будучи секретарём городского Совета рабочих и солдатских депутатов, предусмотрительный Левшин ещё в начале июля в компании с товарищем Румбой тайком вынес из здания Совета 17 старых винтовок системы «Бердан» и патроны к ним. Оружие поделили между собой: часть раздали входившим в Совет большевикам, а несколько винтовок досталось латышским товарищам из числа «вполне надёжных».

Председатель Совета меньшевик Чиркин тогда ругался, грозил арестовать Левшина и Румбу, но не рискнул. Латыши были тесно связаны с щуровскими организациями, где под руководством большевика Бессонова собралось человек восемьдесят членов социал-демократической партии. Теперь они были ещё и вооружены. В противовес им не имелось никакой организованной силы.

Заокское село Щурово входило в состав Рязанской губернии. Это была самая окраина Зарайского уезда, куда редко добирались представители власти. Большевики же, не признавая «территориального деления», поддерживали своих однопартийцев.

Щуровский отряд Красной гвардии имел собственное оружие, реквизированное у местной полиции и фабричных стражников. Его хватало, чтобы вооружить уличные патрули. Любая сила, претендующая на власть, непременно демонстрирует желание, а главное, возможность «наводить порядок». На улицах в Щурове появились красногвардейцы с красными повязками на рукавах, вооружённые отнятыми у полицейских револьверами и шашками, предъявлявшие себя представителями власти. Вооружённое формирование было разбито на «десятки», село разделено на районы, и за порядок отвечал командир того «десятка», которому поручалось патрулирование.

Эти отряды оказались реальной силой против воцарившегося в округе беззакония, и красногвардейцы старались, как могли. Им даже удалось предотвратить несколько краж, а случилось и разыскать краденое, к чему неожиданно-негаданно открылся талант у товарища Чулина.

* * *

По мере приближения Учредительного собрания межпартийная борьба разгоралась. Фактически власть в городе принадлежала партии эсеров, имевших свою газету и связи во властных структурах. Однако же летом 1917-го настроения рабочих колебались, словно маятник. Едва минул месяц после того, как большевиков повсюду били и гнали, как к их речам стали прислушиваться.

В середине сентября в Петрограде состоялось Демократическое совещание представителей советов, профсоюзов, армии и флота, коопераций и прочих организаций. На нём по численности представительства большевики оказались третьими. Они выступали против коалиции с буржуазией, требовали созыва Всероссийского съезда Советов, передачи власти, вооружения рабочих, отмены частной собственности на землю, заключения сепаратного мира с Германией, прекращения войны, национализации важнейших отраслей промышленности. Эти призывы были отвергнуты, что вызвало протесты сторонников большевиков.

В маленькой Коломне кипевшие в столице споры о дальнейшей судьбе России отозвались громким эхом. Большевики призывали к забастовке протеста, и им удалось добиться остановки сталелитейного и судостроительного цехов. Следом забастовали и остальные. На волне забастовочных настроений большевики организовали демонстрацию под лозунгами, обвинявшими Демократическое собрание в предательстве интересов рабочих.

Эсеры и меньшевики выступили против забастовок, обещая рабочим обсудить все вопросы на собрании заводского Совета, в котором у них было большинство. Но незадолго перед этим во время спора рабочих с администрацией по вопросам расценок и выплат Совет взял сторону администрации, и в рабочих ещё не перекипела обида. Большевики тут же воспользовались ситуацией, скрытно подготовив атаку.

Хитроумный Ян Грунт явился в бобровский театр на собрание Совета с двумя сотнями представителей цехов, занявших места на галёрке. Действуя по заранее разработанному плану, Грунт взял слово и предложил устроить на заводе забастовку протеста. Не чуя подвоха, Совет большинством голосов отклонил предложение. Тогда Грунт прокричал роковые слова:

— Совет не выражает настроения рабочих масс. Рабочие, я уверен, недовольны вашим решением, и я требую перенесения этого вопроса на общее собрание!

Заметим, что товарищ Ян Янович Грунт к заводу и Совету заводских рабочих равным счётом никакого отношения не имел. Только несколько десятков из семи тысяч работников завода состояли членами городской ячейки РСДРП(б), которую он возглавлял. Поэтому требовать что-либо из того, что Грунт требовал, он не имел никакого права. Так, наверное, думали члены Совета — и просчитались, крепко просчитались!

Выступление Грунта было хорошо отрепетировано. Не успел никто из членов Совета и рта раскрыть, как во всю мощь двухсот тренированных цеховыми митингами глоток на галёрке заорали люди, пришедшие с Грунтом:

— Пра-ильна-а-а говорит!

Переносить вопрос на общее собрание Совет отказался, но его согласия уже никто не спрашивал. Грунт хорошо подготовил своих ребят. Всё шло как по писаному:

— Долой меньшевистский Совет! — кричали цеховые. — Идём на завод, переизберём подхалимов!

Городские большевики спешно покинули собрание и направились к заводу, до которого от театра было менее версты. У заводских ворот стояла охрана, получившая приказ не пускать большевиков, но удержать двести распалённых рабочих охранники не смогли — их просто отбросили в сторону.

На заводе Грунта со товарищи уже ждали.

Пока Ян Янович воевал с Советом в театре, Василий Левшин, употребив всё влияние и авторитет, в столовой завода, вмещавшей 500 человек, разом собрал общее собрание. Поджидая Грунта, несколько часов кряду вёл разговор «о текущем моменте». На этом марафонском собрании он сам буквально выбился из сил, и слушатели его также притомились. Когда пришли Грунт и его люди, ситуация была накалена до предела.

Приняв вахту от отбившего язык Левшина, Грунт заговорил:

— Совет в данном составе не выражает физиономии(!) рабочей массы, его решения идут вразрез с интересами рабочих. Такой Совет необходимо переизбрать немедленно!

Последние слова перекрыл гул одобрения. Представители эсеров и меньшевиков тоже попытались выступить, но их согнали с трибуны.

Чтобы возмущение не вылилось в обычные беспорядки, предводители большевиков тут же предложили перейти к голосованию. За переизбрание и забастовку высказалось подавляющее большинство. В следующий состав Совета, за небольшим исключением, избрали большевиков.

* * *

В сентябре большевики одержали на заводе новую победу, добившись перевыборов в профсоюзе металлистов. Имевшие до того большинство в Союзе меньшевики и эсеры сдались почти без боя.

Всё началось с очередной забастовки. Пытаясь в условиях продолжавшейся войны спасти разваливавшееся на глазах производство, Временное правительство приняло несколько жёстких законов, названных «скобелевскими», по фамилии тогдашнего министра труда Скобелева.

Тариф сдельной и подённой оплаты замер, а цены всё росли. На этой почве в сентябре забастовал сталелитейный цех. Когда представители профсоюза пытались уговорить сталеваров продолжить работу, их под оглушительный свист выперли из цеха. После случившейся обструкции профсоюзные деятели допустили непоправимую для политиков ошибку — они позволили себе роскошь обидеться. Комитет, сплошь состоявший из меньшевиков и эсеров, подал в отставку, после чего, естественно, были объявлены перевыборы. Лучше организованные большевики сумели провести в новый состав профсоюзного комитета только своих соратников.

Сразу же после превращения профсоюзного комитета в большевистский орган была объявлена забастовка с требованием повысить заработную плату, установить восьмичасовой рабочий день, улучшить материальное обеспечение. В условиях тогдашней экономической ситуации исполнить все эти требования было заведомо невозможно.

Через забастовок окончательно доконала завод, и в конце сентября производство почти встало. Пошёл разговор о локауте — массовом увольнении работников или закрытии предприятия. Такую меру владельцы заводов применяли в ответ на забастовки или непомерно высокие требования работников.

Всё это чрезвычайно накалило ситуацию, и конфликты поддерживаемых профсоюзом рабочих с администрацией вышли за рамки производственных проблем. Как писал в своих мемуарах товарищ Мурин, «в судостроительной мастерской выведенный из себя небрежным тоном инженера рабочий товарищ Д. взялся за револьвер». Но это версия товарища Мурина, который не то чтобы соврал, но легонько передёрнул фактики.

Совсем иную картину рисует заметка в газете «Московский листок», в которой рассказывается, что товарищ Д. (председатель цехового комитета судостроительного отделения 27-летний Дарыкин) взялся за револьвер вовсе не из-за небрежного тона заместителя заведующего отделением, а из-за того, что последний отказался подписать расценки на работы, предложенный цехкомом.

Когда в дело вступило огнестрельное оружие, весь инженерно-административный состав отделения в знак протеста покинул рабочие места. Инженеры не вышли на службу и на следующий день, а дирекция потребовала от заводского комитета, чтобы цехком судостроительного отделения переизбрал. Его удалого председателя товарища Дарыкина собрались увольнять, но завком упёрся, не давая согласия. Руководство судостроительного отделения не появилось на работе и 29 сентября, а комитет продолжал стоять на своём.

Тогда дирекция завода вывесила возле главной конторы два объявления. Первое было адресовано служащим: «Прекратить выдачу нарядов на работы. Приступить к подсчёту заработка рабочих и мастеровых. Во всех отделах конторы судостроительного отделения произвести работы по ликвидации дел». Второе извещало рабочих: «Ввиду несогласия заводского комитета на отставку цехового комитета судостроительного отдела и увольнение старосты Дарыкина, позволившего себе обнажить оружие при переговорах с помощником заведующего судостроительным отделом, следствием чего явилось прекращение посещения старшими лицами администрации, настоящим объявляется, что отдел (судостроительный) без начальствующих лиц работать не может и подлежит закрытию».

Ситуация не изменилась ни 30 сентября, ни 1 октября. Как ни крутил заводской комитет, но на общем собрании всех рабочих организаций завода решено было переизбрать-таки цеховой комитет и уволить Дарыкина. Таким образом, конфликт был исчерпан, и 6 октября 1917 года в связи с принятием резолюции, отвечающей желанием администрации, судостроительный отдел вновь открыли.

В этой нервной ситуации произошло событие почти анекдотическое. «Фотографий Ильича коломенцы долго не видели, — пишет Мурин. — Не

только рядовые, но и партийцы. Однажды, в первых числах октября 1917 года, на заводе появился какой-то тип, продававший открытки с изображением Ленина. На открытке в полный рост был изображён какой-то цветущего вида мужчина средних лет, среднего роста, одетый в короткое пальто, со шляпой-панамой на голове. В профиль он сильно смахивал на писателя Леонида Андреева. Под этим фото красовалась подпись: «Ленин». Эти открытки охотно покупали, буквально брали нарасхват. Предприимчивый торговец так бы и уехал с хорошей прибылью, но вовремя дали знать Левшину. Через полчаса продавца «ленинских портретов» арестовали и отвезли в коломенскую тюрьму». Забавнее всего, что торговец не врал — на портретах действительно был изображён Ленин, Михаил Францевич, актёр московского Малого театра, который не раз выступал на подмостках бобровского театра «Общества народных развлечений при Коломенском машиностроительном заводе».

* * *

Усиленная пропаганда большевиков среди солдат частей Коломенского гарнизона постепенно начала приносить плоды. Ещё с весны, когда в армии начались революционные изменения, в гарнизоне создали Совет солдатских депутатов. Туда вошли по два рядовых от каждой роты и автоматически весь офицерский состав. Соотношение оказалось таково: выбранных рядовых — 60 человек, офицеров — 120.

Постепенное падение дисциплины и степени управляемости солдатской массой вылились в резолюцию, принятую 26 сентября 1917 года на общем собрании 81-го запасного полка: «Продолжение войны грозит голодом, расстройством всего народного хозяйства, бесконечным расходом денежных средств и людских сил, полной гибелью русской революции. Только прекращение мировой бойни может вывести страну и всё человечество из ужасающего состояния озверения. Вышеизложенное заставляет потребовать от Временного правительства:

1). Немедленно передать революционно-демократическую власть во всей её полноте в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Новая власть должна выделить из своей среды правительство, состоящее исключительно из трудящихся классов, и не допускать туда никаких соглашателей с кадетами и другими буржуазными партиями.

2). Окончания войны, для чего немедленно заключить с противниками перемирие на всех фронтах и начать мирные переговоры.

3). Отменить смертную казнь в тылу.

Для проведения в жизнь данного постановления общее собрание полка поручает Совету:

А). Послать во все полки нашей бригады делегатов, которые должны сообщить им настоящую резолюцию и просить присоединиться к ней, после чего будет возможно приступить к дальнейшим действиям в этом направлении.

Б). Отправить копию резолюции в солдатские организации всех частей третьей пехотной дивизии, Демократическому совещанию и Центральному исполнительному комитету РСДРП.

В). Предложить Рязанскому Совету рабочих и солдатских депутатов безотлагательно созвать совещание представителей Советов всех частей бригады для дальнейшего согласования действий в борьбе за мир.

Г). Поставить вопрос о немедленной подготовке демобилизации».

Надо сказать, что такие резолюции тыловиков вызвали бешеную ненависть у фронтовиков, читавших опусы подобного рода в многочисленных левых газетах.

Такой газетой был большевистский «Социал-демократ», выпускавшийся в противовес эсеровской «Земле и Воле» и меньшевистской газете «Вперёд» Московским окружным комитетом РСДРП. Главным распространителем «Социал-демократа» в Коломне была товарищ Ираида Карасёва, супруга Василия Егоровича Левшина, привозившая эту большевистскую газету из Москвы.

В 62-м номере «Социал-демократ» опубликовал письмо рядового Бусарова из 250-го запасного полка: «Товарищи солдаты! Мы часто встречаем в газетах статьи под заглавием «Борьба с дезертирством». Я считаю, что с нашей стороны нет никакого дезертирства, и не может с ним быть никакой борьбы, если бы на наши просьбы откликнулись с сочувствием. Мы просимся не то чтобы в отпуск, а всецело пособить своим старым отцам и матерям распахать и засеять родные поля, о которых нельзя вспомнить без душевного вздоха.

Каждый защитник дорогой нашей родины готов оберегать её от приверженцев старого режима, стремящихся похитить дорогую для нас и ещё неокрепшую свободу, но ещё каждый из нас стремится спасти родину от наступающего голода. Товарищи! Разве справедливо, что мы без дела лежим на нарах в казарме и доедаем последние запасы хлеба, а на обработку родных полей мы оставили малоспособных работников, которые только себя могут прокормить своими трудами! У нас не столько взято работников с фабрик и заводов, сколько от сохи-кормилицы, а кушать хотят все, и буржуи и пролетарии! Кто же для нас будет заготавливать, если мы об этом не позаботимся сами? Буржуй не пойдёт — ему и так хорошо жить и драть последнюю копейку с наших семейств. Цеховой работает на оборону. Учащиеся стремятся к науке. Солдат не пускают. А хлеб все едим! Товарищи! Солдат в тылу, можно сказать, только и делает — обучается «раз-два-левой», и всё это бесполезное ему надоело. Он решает сделать самовольную отлучку, чтобы отпихнуть нужду, надвигающуюся на нашу дорогую родину. Нас не отпускают по доброй воле, считают дезертирами и изменниками. Отпускайте по доброй воле — будет доброе дело, а дезертирства не будет».

Письмецо Бусарова задело за живое многие души, и в следующих номерах издатели опубликовали подборку ответов. Разведчики 670-го пехотного полка Ф. Соколов, Д. Холоденко и А. Амчиславский возмущались: «Мы тоже не можем без вздоха вспомнить о полевых работах, но есть люди, которые уже три года страдают в окопах, но всё же не оставляют своих постов в виде дезертирства на полевые работы. Прежде чем дезертировать, должны побывать на фронте и сменить своих товарищей, многие из которых были по нескольку раз ранены. Гражданский долг — не удирать для обработки полей, а с первой же маршевой ротой отправляться на фронт».

Гренадер М. Ширяев писал: «Почему дезертиры не «делают отлучек» на фронт? Здесь есть солдаты, которые за всю войну ни разу не были в отпуске. Не в деревню надо отлучки делать, а на позиции, чтобы сменить товарищей».

Солдаты 168-го полка были солидарны: «Мы сидим в окопах, голодные, холодные, грязные, но мы строго стоим на страже свободы и не решаемся

«делать отлучки». Если считаете, что житьё в казарме бесполезно, то запишитесь на фронт, чтобы пополнить наши редуемые ряды».

То же мнение высказал рядовой Тихомиров из 674-го полка: «Очень хорошо — сидеть в тылу да пописывать в газетку жалостливые слова! Но знаете, как мы, окопные жители, называем такие писательства? Мы называем их изменой и громко говорим об этом!»

Редакция «Социал-демократа», в явном смущении от такой реакции, растерянно комментировала резкие высказывания фронтовиков, уверяя читателей, что «окопникам» всё неправильно объясняют офицеры.

* * *

Представителем большевистской организации в солдатской среде стал рядовой Горный, который повёл агитацию в пользу перевыборов Совета. В результате 1 октября 1917 года прошёл пленум, на котором депутаты проголосовали за перевыборы и тут же предложили всем, не имеющим выборных мандатов, покинуть зал заседания. «Узнав о таком решении Совета, — пишет Горный в своих воспоминаниях, — на заседание прибежал помощник начальника гарнизона, старый уже полковник. Не спросив разрешения президиума, он обратился к Совету, но был лишён слова, а затем и вовсе удалён из зала. На этом собрании я был избран председателем Совета».

Следствием этих решений стало объявление, опубликованное в газете «Русская правда», издаваемой коломенскими эсерами (тогда это была единственная общегородская газета). В номере 2 от 4 октября 1917 года сообщалось: «Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов Коломенского гарнизона сим объявляет:

1). С 1 октября начал функционировать Совет солдатских депутатов в новом составе.

2). Действительными мандатами членов Совета считаются только те, которые выданы 1 октября и позднее.

3). Членам Совета старого состава предлагается сдать в Совет имеющиеся у них членские мандаты не позднее 5 октября».

Деятельность Горного вызвала переполох в офицерской среде. Он вёл большевистскую пропаганду в тот момент, когда большевики были объявлены немецкими пособниками, а их лидеры — прямыми агентами кайзера Германии. Чтобы пресечь безобразие, агитатора попытались судить, но под арест взять не решились. Рядового Горного вызвали вестовым в военный суд гарнизона, а он, чуя недоброе, перед уходом приказал товарищам «поднимать людей».

На заседании суда председательствовал помощник начальника гарнизона. В качестве обвинителя выступил полковник Маянский. В роли секретаря — адъютант полка, имевший юридическое образование. Суть обвинения, предъявленного рядовому Горному, сводилась к единственному пункту: «Написание и распространение большевистских лозунгов».

Полковник Маянский заявил, что обвиняемый каждый день по 6–8 часов ведёт разговоры с солдатами, подрывая дисциплину. Свидетели из числа офицеров это подтвердили. Председатель и обвинитель несколько раз спрашивали самого Горного, но тот отмалчивался.

Тем временем в дверях судебного зала стали появляться фигуры в солдатских шинелях. Их становилось всё больше. По мере того как число солдат увеличивалось, подсудимый всё более нагелл, на вопросы решительно не желал отвечать, а потом и вовсе начал требовать «последнего слова», на что полковник Маянский заметил:

— Это ещё неизвестно, кто будет иметь последнее слово!

Горный запротестовал. Его поддержали солдаты. Тогда секретарь суда слово Горному предоставил, и подсудимый понёс демагогическую околесицу. По сути дела он не сказал ничего, а всё требовал разъяснить ему и всем собравшимся, «кому и для чего нужна была эта война».

— А что делали господа офицеры? — ловко ввернул Горный в свой сумбур выпад против судей. — Как они использовали революцию? Много ли они дали знаний солдату? Они даже скрывали известие о свержении самодержавия!

И понёс, и понёс дальше, всё круче влево, всё бессвязнее, но азартнее! Полковник Маянский стал возражать, потом оправдываться, что «тоже за народ».

Пока они препирались, в зал прибежал офицер, что-то шепнул секретарю, тот передал председателю. Было видно — что-то произошло. Тон суда переменялся. Разошедшегося большевистского витию принялись унимать да уговаривать, суля только объявить выговор за неосторожные лозунги. Но солдаты возмущённо загалдели, и секретарь предложил ограничиться решением «поставить на вид». Но и этот номер не прошёл. «Дело пошло так, что решал уже не суд, а солдаты», — наслаждался воспоминаниями Горский десять лет спустя.

Кончилась судебная комедия признанием суда, что «произошло недоразумение».

Оказалось, офицеры приняли позорное решение под угрозой смерти. Когда Горный ушёл в гарнизонный суд, солдаты похватили из ружейной пирамиды винтовки и пошли следом. Окружили здание суда и заявили, что ежели председатель Совета будет осуждён, ни одного офицера живым не выпустят.

С этого дня всё в гарнизоне перевернулось с ног на голову. Офицеры полностью утратили контроль над личным составом. «Полковник Маянский стал угодлив до приторности, — пишет Горный. — Ежедневно он являлся в 6 часов утра, когда я ещё ворочался на столе, заменявшем мне кровать (!). Осторожным кашлем он напоминал о своём прибытии, а затем, вытянувшись в струнку, рапортовал: «Во вверенном мне гарнизоне всё обстоит благополучно»».

Солдаты запасных полков ни в коем случае не желали отправляться на фронт и для того, кто «отменит идти на войну», были готовы зарезать любого, на кого он укажет.

Весьма характерный эпизод произошёл на станции Голутвин, когда на фронт отправляли очередную маршевую роту. «На станцию явилась депутация учителей города, — пишет Горный. — Один из них влез на насыпь и повёл речь, призывая солдат воевать до победного конца и мир заключить в Берлине. Солдаты заволновались:

— А-а-а! Мать твою так и разэдак! До победного, говоришь, конца? Мы тебе покажем мир в Берлине!

Учителя стащили с насыпи и стали избивать, а вместе с ним и какую-то женщину из той же учительской делегации. Возникла свалка. Я уговаривал солдат, но было бесполезно.

— Они же тебя оскорбили! — кричали мне в ответ. — Шпионом назвали!

— Меня оскорбили, я их под суд и отдам! Сейчас же арестую, и потом будем судить их солдатским судом.

И приказал двум вооружённым солдатам отконвоировать учителей в город. Но солдаты из маршевой роты не соглашались ехать на фронт пока не узнают, что учитель осуждён».

Таковы на тот момент были накал страстей и положение дел в воинских частях.

* * *

Для эффективного противодействия политическим противникам коломенским большевикам до крайности не хватало в городе собственного печатного органа. Общесоциалистическую газету, издавать которую попытались эсеры, Ян Грунт загубил. Ещё в середине мая Исполком Совета рабочих депутатов принял решение выпускать «Известия Коломенского Совета рабочих депутатов». Но оказалось, что писать-то готовы многие, а вот типографских наборщиков нет! Чтобы овладеть этой специальностью, нужно долго практиковаться.

Тогда Исполком написал прошение в Московский союз печатников: «Товарищи! Одно из самых сильных орудий борьбы рабочего класса и революционной демократии за лучшее будущее и свои идеалы — печатное слово. Оно переносит идею борьбы в самые глухие места, будит мысль, объединяет силы. Оно разрушает гнилое прошлое и строит лучшее будущее.

Буржуазия в борьбе против нас тоже пользуется этим мощным средством. К её услугам прекрасный технический аппарат, имена писателей, запасы бумаги и бесконечные денежные средства. Они наводняют мир своими произведениями, затемняют и отравляют ими сознание масс. Нам нужно, и даже необходимо, противопоставить им своё оружие, своё печатное слово».

После возвышенного вступления просили прислать двух опытных наборщиков.

Через какое-то время получили ответ: «Товарищи! Прежде всего приветствуем ваше решение издавать свой орган, настоящий проводник демократических принципов. При всём нашем желании всегда оказывать всяческое содействие революционным органам в настоящий момент, за неимением наборщиков, мы не имеем возможности рекомендовать вам кого-нибудь в этом качестве. Как организация Союз печатников будет возбуждать ходатайство о возвращении специалистов-наборщиков из армии.

Соблаговолите выслать 1-й номер «Известий Коломенского Совета рабочих депутатов» в одном экземпляре».

Подписал это послание секретарь Московского союза печатников В. Каиров 3 августа 1917 года.

Изучая перипетии политической борьбы за власть недавних союзников в борьбе с царизмом и самодержавием, следует помнить, что вовлечённых в эту борьбу людей в уезде насчитывалось лишь по несколько десятков в каж-

дом местном отделении. Чем же и как жили остальные тысячи жителей, обитавших в пределах Коломенского уезда той поры? Попробуем вспомнить и это.

Конечно, партийная газета — совсем не тот материал, по которому можно судить о положении вещей, ибо взгляд на предметы у такого органа совпадает с политическими воззрениями тех, кто его выпускает. Но, как говорилось при старом режиме, «за неимением гербовой пишут и на простой».

Вот и мы за неимением других печатных органов в Коломне попробуем заглянуть в лето и осень 1917-го при помощи выдержек из газеты «Русская правда». Именно на её страницах появился рассказ о недовольстве жителей Коломны, измученных перебоями в поставках продовольствия.

Весной 1917 года сбылась давняя мечта многих: «купчишек» прижали, запретив торговать и поставлять продовольствие частным лицам, по вине которых якобы и происходили всякого рода безобразия. Но продовольственного изобилия почему-то не наступило, даже, наоборот, дело пошло ещё хуже. Размер хлебной пайки на осень 1917-го равнялся фунту в сутки, т.е. чуть более 400 граммов. При нерегулярности выдачи этой нормы уже можно было говорить о голоде.

В тот день, когда на заводе кипели страсти вокруг профсоюза и забастовок — 25 сентября, — городские обыватели, возмущённые задержкой выдачи пайкового сахара, пошли громить городской продовольственный комитет, ведавший делами снабжения. Огромная толпа самого разнообразного люда ворвалась в здание, и всем, кого погромщики застали, крепко «перепало по шеям».

Газета не могла не откликнуться на это событие, но не будем забывать, что «Русская правда» — эсеровская газета, орган революционной партии, хоть и конкурировавшей с большевиками, но также социалистической. Мудрено ли, что в заметке эсеровской газеты, посвящённой погрому, виноватыми во всём были признаны... ну правильно, конечно же, коломенские купцы! Они, они, окаянные, всегда виноваты в неудачах коломенских революционеров!

Нельзя же было просто написать, что этот, ну, как там его, чёрта, народ-то этот самый только и заботится, чтобы брюхо своё ненасытное набить жратвой. Не-е-ет. Так писать было нельзя! Куда как политичнее и удобнее свалить вину на проклятых торгашей: «Купечество до сих пор не теряет надежды на то, что всё дело продовольствия, приносившее им такие крупные барыши, перейдёт к ним в руки. В этом направлении они работают не покладая рук — наши ухари-купцы. Не желая сами показываться в толпе, негодовавшей у комитета по поводу раздачи сахара, послали туда своих лучших сыновей».

По словам «Русской правды», в толпе шныряли гимназисты, которым там и делать-то было нечего, а они вот были и вели пропаганду, провоцируя толпу фразами:

— Видите, что наделали Советы да комитеты? Скоро с голоду будем пухнуть. Было бы дело в руках купцов, то и всё бы было!

Вот ведь в чём вся штука-то! Кабы не сыновья купеческие, постояли бы люди возле дома, урча голодными животами, поскребли в затылках и бородах да и разбрелись бы себе по домам дожидаться Учредительного собрания. Автор заметки тов. Мельниченко вполне логично рассуждал: «Если сегодня арестовать одних, завтра — других, то сахару от этого не прибавится». По

его мнению, эти выступления лишь демонстрировали «нашу слабость и неорганизованность, что даёт повод для торжества буржуйам и капиталистам».

Оказывается, главное в революции — чтобы капиталисты с буржуями не торжествовали. А сахар, мука там всякая с постным маслом — это дело обывательское, не революционное, тянущее назад, отвлекающее от высоких помыслов о грядущем благоденствии не каких-то там отдельно взятых людишек, а вообще, в мировом, значит, масштабе масс, чтоб дух зашибало от восторга необъятности!

Но в том же номере газеты было помещено гораздо более взвешенное рассуждение на ту же тему, в котором отсутствие продуктов объяснялось безобразиями на железнодорожном транспорте. Автор полагал, что во время войны в ряды железнодорожников затесалось множество людей, спасавшихся от призыва в армию, и некомпетентность уклонистов привела к неразберихе. Правда, он не пояснил, куда же подевались кадровые железнодорожники, те самые, которые при царе-батюшке работали вполне исправно. Вместе с тем автор смутно как-то догадывался, что не в одной некомпетентности дело.

В то же самое время, когда нечем было выдавать паёк хлеба, прилавки городских рынков ломились от изобилия арбузов, яблок, винограда, которые в Коломенском уезде никогда не произрастали. Ведь их же откуда-то издалека привезли по железной же дороге! «Не лучше ли, — интересовался вышеуказанный товарищ, — привозить не арбузы и яблоки, а хлеб?»

Ну это как посмотреть! Кому лучше? Тому, кто за предоставление «под фрукту» вагончиков «хорошо имел на лапу», наверное, этот тезис показался бы спорным. Но деловые люди того времени газет не читали — все были по горло заняты, а о том, что в мире делается «по жизни», очень даже хорошо знали и без газет. Если прежде все связанные с транспортом и любыми поставками считали военную пору «золотым временем», то революционный экономический хаос нужно уже было назвать «бриллиантовой порой». Всё стало дефицитом, и каждый, кто имел возможность, пользовался ситуацией. Понять, что происходило на железных дорогах, было совершенно невозможно. Фактически ими уже никто не управлял, и работали они, можно сказать, по инерции.

На станции Воскресенск, что в тридцати верстах от Коломны, 8 октября, чтобы пропустить скорый поезд, воинский эшелон загнали на запасной путь. Возмущённые остановкой солдаты повыскакивали из вагонов и стали требовать от машиниста немедленно продолжить движение. Попытки объяснить, что главный путь занят, ни к чему не привели — поездную бригаду избили. Начальника станции Вернера, прибывшего к месту событий, треснули рукоятью револьвера по голове, проломив череп. Не добились только потому, что наконец-то открыли выпускной семафор, паровоз загудел, и солдаты бросились по теплушкам. Эшелон стал потихоньку набирать ход, увозя опасную публику со станции, а окровавленного Вернера станционные служащие потащили в больницу.

* * *

Писавший о продовольственной проблеме, сопряжённой с транспортным хаосом, автор «Русской правды», наверное, имел весьма приблизительные

представления о реалиях своего времени и предлагал направлять «куда следует деятельных работников», которые контролировали бы отправки провизии в Коломну. Но если из этого идейного «полуфабриката» сделать вытяжку рациональности, то окажется, что журналист уездной эсеровской газеты осенью 1917 года, собственно говоря, предлагал ввести систему так называемых «толкачей». Его фантазия подошла как никогда близко к идее создания продотрядов или чего-то похожего. По крайней мере, в той поражённой коррупцией системе только вооружённые, наделённые чрезвычайными полномочиями «энергичные работники» могли бы «там, где надо», добыть продукты, а главное — доставить их к месту выдачи. Если, конечно, по пути сами не соблазнились бы часть из них обменять на спирт-сырец и кокаин — самые ходовые натуральные валюты того смутного времени России.

Стоит ли удивляться, что через несколько месяцев до подобной системы додумались большевики, когда пришёл их черёд ломать головы, где взять провиант — идеяка парила в революционной атмосфере. Нужно было только решиться тряхнуть крестьян, ещё с 1915 года взявших моду прятать продукты, меняя их на вещи или продавая за золотишко.

* * *

До Октябрьского переворота оставалось совсем недолго, а город жил своей обыденной жизнью, озабоченный местными проблемами. В Коломне и округе основательно пошаливали уголовники, выпущенные из тюрем по большой амнистии Временного правительства. «Птенцы Керенского», как называли «раскаявшихся и давших слово не грешить» преступников, упорхнув из «родного дома», взялись за старое, и по измученной войной и голодом стране в момент крайнего ослабления власти прокатилось цунами уголовщины.

Коломне в этом отношении относительно повезло: авторитетные «блатари-Иваны», «деловые ребята» и прочая опасная публика осела в больших городах, а до уезда добрались не столь опасные мазурики, промышленявшие главным образом кражами.

«Русская правда» опубликовала подборку уголовной хроники, начав её сообщением о том, что бобровский аптекарь Кисин получил от неизвестных злоумышленников письмо с требованием 750 рублей. Эту сумму аптекарю было велено положить в пакет и 17 октября в 11 часов вечера поехать в своей повозке по шоссе в сторону Коломны. Ехать он должен был, покуда не услышит сигнальный свисток, после чего надлежало выбросить пакет на дорогу и как можно быстрее убираться с этого места. В случае неисполнения неизвестные лица грозили поджогом дома и убийством. Страшное письмо было подписано: «Максималисты». Так в 1905–1907 годах называлась боевая террористическая группа эсеровских радикалов, прославившаяся на весь мир вооружёнными грабежами и вымогательствами.

Перепуганный аптекарь принёс послание «максималистов» начальнику городской милиции. Решено было устроить на дороге засаду. Согласно плану операции, аптекарь должен был всем своим видом показывать, что готов выполнить условия вымогателей.

Вечером 17 октября он запряг лошадку и поехал по шоссе. Доцокал до самой заставы, но никаких знаков ему не подали. У Петропавловского кладбища Кисин повернул обратно и, когда проезжал мимо заводского

театра, услышал, как кто-то свистнул. Перепуганный аптекарь швырнул на дорогу пакет, в котором была резаная газетная бумага, и погнал лошадку. Когда он отъехал подальше, к пакету подбежал парень, но едва наклонился, как на него набросился помощник начальника милиции В. С. Прилуцкий, следовавший за повозкой во тьме октябрьской ночи. К месту схватки прибежали ещё несколько человек и набросились на Прилуцкого, и тут в драку ввязался выскочивший из кювета второй милиционер — Т. Я. Слегин.

Позже оказалось, что драку завязали представители Совета рабочих депутатов, которых по просьбе начальника милиции командировали для усиления засады. По неопытности и в потёмках они приняли хранителей порядка, одетых в штатское, за преступников и хотели скрутить. В результате неразберихи один из вымогателей успел сбежать, и в руках милиции оказался только некий гражданин Бадиков, 22 лет, уроженец Рязанской губернии. Назвать напарника он категорически отказался.

Счастье, что устроившие засаду не нарвались на настоящих бандитов — те поубивали бы этих охотников за ворами, да ещё, пожалуй, и Кисину перепало за донос. Но Бог миловал, и, можно сказать, захват почти удался.

На следующий день, 18 октября, около 7 часов утра из деревни Хлопны на станцию Голутвин доставили четверых воров, среди которых был мальчик лет двенадцати. Их вели по платформе, когда подошёл один из рабочих поездов, на котором из пригородных деревень прибыла заводская смена. Узнав, что ведут пойманных с поличным, рабочие набросились на арестованных. Двоих избили до полусмерти, один, воспользовавшись суматохой, сбежал. Мальчика не тронули — его увели в управление милиции. Избитых мазуриков доставили в больницу, но откачать не сумели, и оба к вечеру померли. Виновных в их смерти даже не искали. По тем временам подобные расправы были самым обычным делом: в газетах, что ни день, сообщалось о трёх-четырёх случаях самосудов.

Это очень ясно характеризует период абсолютного беззакония и бессилия властей: ситуацию фактически никто не контролировал. То есть, прежней власти как таковой уже не было, а новая пока не наступила — до её прихода оставалась последняя неделя. Владимир Ильич уже, наверное, собрался покинуть свой шалаш в Разливе, а в Смольном волновались матросы, опутанные пулемётными лентами.

* * *

В день большевистского переворота, свергнувшего Временный комитет Государственной думы, открылся Всероссийский съезд Советов. Делегат от Коломны товарищ Сарычев выехал в Петроград ещё 19 октября с наказом от депутатов Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов: «В связи с докладами губернского и областного съездов Советов Коломенский Совет рабочих и солдатских депутатов, приступая к своей очередной деятельности, глубоко сознаёт и чувствует, в каких ненормальных условиях ему приходится работать, когда на пути к проведению в жизнь демократических мероприятий приходится наталкиваться на старые законы и вступать в контраст с организованным захватным путём Временным правительством помещиков и капиталистов. Делегируя своего

представителя — тов. Сарычева — на II Всероссийский съезд Советов, наш Совет преследует ясную и определённую цель спасти гибнущий трудовой народ Российского государства от войны, голода и безработицы. Нашему делегату мы поручаем:

1). Принять участие в составлении манифеста ко всем народам воюющих стран с предложениями демократического мира и остановить военные операции на фронте.

2). Принять участие в создании закона о конфискации хлеба у помещиков и крупных хлебных торговцев и передаче его вместе со складами и элеваторами в распоряжение местных, переизбранных, демократических продовольственных комитетов в центрах.

3). Принять участие в издании закона о распределении хлеба по дешёвым ценам и вкладе денежных сумм, вырученных за хлеб, в Общественный государственный фонд, образуемый Центральным исполнительным комитетом Советов.

4). Принять участие в создании закона о бесплатном переходе земель в руки крестьянских комитетов и об отмене всех арендных плат с крестьянских общин, которые взимаются помещиками и арендаторами.

5). Принять участие в издании закона об организации демократического контроля над банками — центральным и местными.

6). Принять участие в издании закона о рабочем контроле и о новом фабрично-заводском законодательстве, ограждающем все завоевания великой русской революции.

7). Передать исполнительную власть в государстве избранному на II съезде Советов Всероссийскому исполнительному комитету, ответственному в своих работах перед съездом до созыва Учредительного собрания.

8). Со своей стороны, Коломенский совет в согласии с районными объединениями Советов будет поддерживать, вплоть до вооружённой силы, все шаги Всероссийского съезда Советов и проводить в жизнь постановления, направленные к спасению русской революции и голодающего безработного населения».

В Коломне ничего такого особенного в те дни не происходило. Вышел очередной, 11-й, номер газеты «Русская правда» с занятной статейкой нашего знакомого Владимира Фильчугина. Называлась она «А Васька слушает, да ест» и содержала жёсткую, нелицеприятную критику рабочих клубов. Как обычно, автор горячился, но схватывал ситуацию, словно фотоаппарат. Он побывал 18 октября на открытии клуба металлистов и вот какие впечатления вынес: «В Коломне открылись три клуба: эсеров, большевиков и теперь металлистов. По идее, в этих клубах рабочий имеет возможность сходить для обсуждения вопросов, слушать лекции по всем отраслям политики, экономики и общественной жизни. На деле же в клубе большевиков лекции читают лишь изредка, а у металлистов на ораторов вообще мало обращают внимания — рабочие заняты бутербродами и чаепитием. Этот клуб несёт исключительно питательную функцию и, по сути, является просто трактиром.

В клуб большевиков явился сильно пьяный рабочий и, еле ворочая языком, сказал: «Меньшевики кормят хлебом-соломой, поэтому я перехожу в большевики — давай, записывай! Но если и вы будете кормить таким хлебом, берегитесь — всё разнесу!»». В завершение Фильчугин советовал

заведующим клубами проявлять больше энергии, стараясь поднять работу «на должную высоту».

Вполне может быть, что товарищ Левшин, заступивший в ночь с 25 на 26 октября 1917 года дежурным по городскому Совету, коротая ночное время, читал именно эту заметку, когда ему позвонили из Москвы, сообщив о перевороте и переходе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Несколько дней накануне Левшину было не до газет — хватало забот и хлопот, когда тайно передали, чтобы большевики были готовы к ожидавшемуся захвату власти в Петрограде и поддержали его активными действиями — всяк на своём месте.

Опыта переворотов ни у кого не имелось, техническое обеспечение организации было слабеньким, а делать всё нужно было в глубокой тайне.

Как ни странно, всё упёрлось в такую вещь, как пишущая машинка. Писать распоряжения от руки было несолидно, и пришлось после завершения рабочего дня одолжить машинку в Совете. Ни одной надёжной машинистки, которой можно было бы доверить столь деликатное дельце, не нашли, а потому Левшин и Грунт уселись печатать сами, фабрикуя мандаты новой власти впрок, на все возможные случаи и потребности. С этим делом провозились всю ночь с 24 на 25 октября, а утром пошли к солдатам.

В казармах Левшин и Грунт натолкнулись на агитаторов эсеров и меньшевиков. После яростных споров с политическими конкурентами они ушли, заручившись уверением солдат, что те пойдут за большевиками.

Лишь убедившись, что всё в порядке, дело готово и только нужен сигнал, Василий Егорович ушёл дежурить в Совет. В четыре часа утра от Московского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов в Коломну пришла циркулярная телеграмма, аналоги которой поступили во все уезды губернии: «Сегодня ночью петроградские рабочие и солдаты заняли все государственные учреждения, вокзалы, Зимний дворец. Временное правительство будет низложено. Порядок в Петрограде полный. Кровопролития не было. Московский совет принимает меры к взятию всей власти. Губернский совет предлагает вам осуществить эти меры:

- 1) создать на местах «пятёрки», обладающие всей полнотой власти,
- 2) образовать Красную гвардию, реквизировать всё частное оружие под расписку Совета и автомобили,
- 3) поставить охрану на телеграф, телефон, в казначейство, установить цензуру телеграфа и телефона,
- 4) подчинить себе милицию,
- 5) войти в сношение с окружающими вас воинскими частями и известить губернский Совет о тех из них, что ненадёжны,
- 6) установить слежку за местами торговли спиртными напитками,
- 7) установить дежурства членов исполкома,
- 8) предложить фабрикам и заводам работать нормально,
- 9) сохранять порядок и спокойствие,
- 10) выпустить воззвание к населению,
- 11) выслать представителей на экстренное заседание Исполнительного комитета губернского Совета 26 октября к 10 утра».

Утром 26 октября на заводе ничего особенного не происходило. Все находились на рабочих местах. Никто толком ничего не знал. Обсуждали слухи, что в Москве что-то происходит. Завкомовская будка была заперта, и Левшину пришлось ждать, нервно расхаживая взад-вперёд перед закрытой дверью. Подошёл товарищ Шкалик, предложивший выбить окно и забраться внутрь. Но тут подоспел секретарь завкома Мурин с ключами. В завкомовской будке под диктовку Левшина Мурин написал письмо в дирекцию, требуя предоставить два автомобиля, а также пишущие машинки. В дирекцию отправили бедового Шкаликова, но там выдать авто категорически отказались. Тянуть было нельзя, а потому решили действовать, применяя «революционный метод». Зайдя в заводской гараж, завкомовцы «для острастки» несколько раз выстрелили вверх. Предупредив охоту им перечить, они приказали шофёрам выгонять автомобили и готовить к поездке. Тем временем товарищ Шкалик, забрав из заводской конторы пишущую машинку, отбиваясь на ходу от конторских служащих, принёс её прямо в завкомовскую будку.

Около 8 утра по всем цехам протелефонировали, вызывая членов заводского Совета. Собрались, расселись по машинам, поехали в город, к дому Шанина на Астраханской улице, где располагался Коломенский городской Совет. Из-за разных задержек собрание открыли только в 11 часов утра. Сохранился протокол этого заседания, на котором председательствовал Левшин. Он и взял слово первым.

Все отметили крайне взвинченное состояние Василия Егоровича, который взволнованным голосом объявил о перевороте в Петрограде и о том, что власть в городе переходит в руки Советов. Далее оратор огласил предложение солдат захватить на станционных складах оружие, предназначавшееся для формирующихся маршевых рот. То оружие, которое хранилось в казармах, Левшин предложил собрать в один барак, пересчитать, разобрать по системам, переписать, учесть все боеприпасы и выставить караул под начальством одного из рабочих. Совет согласился большинством голосов.

Следующим выступил товарищ Иосиф Антонов — тот самый, ещё летом засланный в казармы, который предложил немедленно объявить военному командованию, что оно обязано подчиняться распоряжениям Совета. Это поручение возложили на самого Антонова, и он немедленно отправился его исполнять.

На том же собрании избрали Революционный комитет. На должность уездного комиссара выбрали Яна Грунта. Представителями Ревкома на станциях Голутвин и Коломна — Бушуева, Печникова и Киселёва. Комиссаром почтовых отделений и телеграфов — Лобахина. Комиссарами по обыскам и разоружению (хороша должность!) — Грунта, Шкаликова и Захарова. Членами Революционного суда — Соловьёва, Тулинова, Болонникова, Левшина, солдат Краснопёрова и Шибаева. Главным военным комиссаром Коломенского гарнизона — бывшего официанта Мочалина, перешедшего к большевикам от эсеров, его помощником — товарища Шишко.

Первым своим постановлением Ревком объявил любое неподчинение власти Советов проявлением контрреволюции и обещал карать за это беспощадно.

Объединённая социал-демократическая организация сделала заявление: «Ввиду того что партия — против захвата власти в руки Советов, считая таковой захват гибельным для России и дела революции, приводящим к изоляции пролетариата, и что партия за передачу власти в руки демократии, а потому фракция против участия в организации новой власти и предлагает своим членам покинуть заседание». Приведено дословно, как написано в протоколе.

Эсеры заявили о солидарности с меньшевиками и единой РСДРП, отказавшись принять участие в формировании органов новой власти. «Мы думаем, эта игра недолгая, — сказали они. — Посмотрим, что скажут рабочие».

Представители эсеров и меньшевиков демонстративно ушли с собрания, но этот демарш не произвёл на большевиков никакого впечатления. Они действовали!

Не трата золотое время, Левшин связался по телефону с казармами и вызвал солдат 6-й роты, у которых был накануне переворота. Те вскоре прибыли на автомобилях и оцепили дом Шанина, где заседал Ревком.

К гарнизонному арсеналу отправились Левшин, Мешков и Семячкин. Часовой узнал Левшина и подпустил к складу. Услышав, чего хотят товарищи, сказал, что ключ у офицера, заведующего оружейной мастерской. Посланный за ключом Семячкин вернулся ни с чем. Тогда при содействии часового ворота просто взломали. Винтовки и патроны вывезли в дом Егорова, в клуб большевиков, и там начали вооружать рабочих, формируя Красную гвардию. Её отряды, усиленные солдатами, под командой уполномоченных членов Совета разошлись по намеченным объектам.

Часть оружия отправили в разные места уезда. В Щурово товарищ Семячкин повёз 62 трёхлинейные винтовки Мосина и патроны. Их разделили между отрядом Красной гвардии, которому отдали 30 винтовок, и военной охраной окского железнодорожного моста. Также вооружили отряд большевиков в Сергиевских Выселках, где имелась крепкая партийная ячейка. Совету в Озёрах выдали 26 винтовок и по 400 патронов на каждую — этому оружию предстояло стать главным «инструментом власти» в большом селе. Товарищ Локтанов вместе с Ираидой Карасёвой, которой поручили поддерживать связь между московским и коломенским революционными комитетами, повезли захваченное в Коломне оружие в Москву для передачи Московскому ревкому.

Сам Левшин на автомобиле привёз 87 винтовок и патроны в Боброво, передав их товарищу Румбе, чтобы тот вооружил латышей, состоявших в партии. В латышской организации числилось 87 человек, но часть её членов не пожелали взять в руки оружие. Их тут же исключили из партии, а из оставшихся 55-ти составили особый отряд Красной гвардии, занявший весь Бобровский район, станцию Голутвин, почту и Коломзавод. Расчёт был точен: латыши — чужие, и поблажек бобровцам и заводчанам «в случае чего» не дадут. В это же время красногвардейцы родом из Боброва действовали в Коломне и других местах.

Товарищам Купецкому, Панину и Большову было приказано взять под контроль городскую тюрьму и удерживать уголовников. Начальник тюрьмы в тот день уехал по делам службы в Москву. На месте остались его помощник и надзиратели, по словам Купецкого, «здоровенные такие

хохлы». Не без доли иронии Купецкой описывает свою встречу с надзирателями: «Приезжаем на автомобиле мы, трое плюгавеньких, маленьких большевиков, и заявляем большим верзилам:

— Власть как в Москве, так и в Коломне перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Предлагаем вам подчиниться!

Тюремные служители ответили:

— Нам всё равно, кто бы у власти ни был.

Нам пришлось строго следить за ними день и ночь, чтобы они не подготовили побег уголовникам, которые думали, что их выпустят, но они ошиблись. Мне пришлось с неделю дежурить в тюрьме, а потом Ревком меня отозвал и направил обратно в профсоюз, так как я занимал должность казначея Совета».

В земской управе тоже обошлось без затруднений. Утром 27 октября туда явился товарищ Смолянский с отрядом красногвардейцев и спросил председателя управы Комиссарова. Ему ответили, что Комиссаров, взяв с собой печати и деньги земства, скрылся в неизвестном направлении. Служащим объявили о переходе власти в руки Советов и предложили заниматься прежними обязанностями. Некоторые заявили, что с большевиками работать не будут. Им велели сдать должности, а за жалованьем обратиться в Совет. На размышления предоставили два часа. В полдень, когда срок истёк, все сотрудники приступили к работе.

На почте Лазарев, Лобахин и Соболев столкнулись с саботажем. Служащие испортили телефонный коммутатор и отказывались чинить. С завода привели специалиста, и тот кое-как отремонтировал технику. Комиссарам пришлось учиться соединять абонентов.

Неприятный сюрприз ожидал представителей Ревкома в городском общественном банке имени Шевлягиной. Директор этого учреждения 26 октября 1917 года, едва услышал о захвате городских учреждений отрядами Красной гвардии, скрылся в неизвестном направлении. С собой он прихватил всю наличность, оставив в наследство новой власти только сейф, набитый облигациями военного «займа Свободы», выпущенного Временным правительством. После переворота номинал этих ценных бумаг стал равен цене конфетных фантиков.

* * *

В конце недели новая власть выпустила первый манифест: «25 октября, в первый день открытия Всероссийского съезда Советов, согласно телеграмме Московского губернского Совета, Временное правительство помещиков и капиталистов низложено. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов занял все общественные и государственные учреждения, организовал новую власть. Губернский Совет издал постановление, согласно которому надлежит незамедлительно принять следующие неотложные меры:

- 1). Организовать новую власть.
- 2). Захватить оружие.
- 3). Реквизировать автомобили.
- 4). Наладить широкий контроль учреждений.
- 5). Принять серьёзные меры против контрреволюции.

Коломенский Совет рабочих и солдатских депутатов произвёл все необходимые распоряжения и предлагает всем жителям сохранять полное спокойствие и производить обычную работу.

Все граждане России поддерживают Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и задача нашего Коломенского уезда — встать на защиту новой революционной власти Совета рабочих и солдатских депутатов.

Первое слово Всероссийского съезда должно быть — немедленное перемирие на всех фронтах. Второе — передача земли и хлеба в руки крестьян и продовольственных комитетов.

Неподчинение Совету будет рассматриваться как контрреволюционное действие.

Председатель Совета Левшин.

За секретаря — Москвин».

* * *

Газета «Русская правда» после переворота вышла ещё разок: на первой странице 12-го номера от 27 октября опубликовала воззвание новой власти, но комментариями не сопровождала. Набранное мелким шрифтом, оно было почти незаметно. Центральным материалом номера явилось описание амурно-криминальных приключений, развернувшихся на фоне исторических событий. В те дни объявлены были в розыск исчезнувшие из села Троицкие Озёрки молоденькая кассирша потребительского общества А. Коновалова и начальник тамошней милиции Митрофанов. Вместе с ними пропали деньги из кассы общества потребителей.

Во время облавы на уголовных элементов, проводившейся коломенской милицией 24 октября, Коновалову и Митрофанова обнаружили в номере одной из коломенских гостиниц. На первом же допросе выяснилось, что девица была в связи с главным милиционером и на пару они растратили из кассы 5 100 рублей. Подсчитав недостачу, Коновалова обратилась к приятелю за помощью. До того гражданин Митрофанов считался образцовым милиционером, в сентябре при облаве на воров проявил себя как герой, лично пристрелив одного из преступников. Но в октябре, видя, как рушатся последние институты власти Временного правительства, он предложил Коноваловой скрыться, чтобы переждать смутное время. Далеко уйти не захотели и, добравшись до Коломны, засели в гостиничном номере. Дожидаясь разрешения политического кризиса власти, беглецы-любовники не скучали. Деньги у них были — при обыске нашли 150 рублей у Коноваловой и 400 у Митрофанова. Ещё 400 рублей они спрятали под комодом в гостиничном номере.

Дело парочки в самый день Октябрьского переворота переправили судебному следователю. Тот распорядился передать несовершеннолетнюю кассиршу на поруки отцу. Дезертировавшего с поста начальника милиции Митрофанова отстранили от должности, отобрав удостоверение. Но на том всё и окончилось. Той власти, законы которой они нарушили, уже не было, а перед новой властью они были совсем чисты. Да и не до того было Советам.

Если абстрагироваться от знания того, что произошло в те дни, и просто обратиться к документам эпохи, то практически никаких зримых следов перехода власти в руки большевиков заметить не удаётся. Перевоорот не произвёл большого впечатления не только на мало что смысловых в политике обывателей, но и на искушённых дельцов, ворочавших большими делами в сфере финансов и промышленности. Яркий тому пример — действия банковской группы, владевшей «Обществом Коломенского машиностроительного завода».

Находясь буквально в эпицентре событий, в Петрограде, банкиры судили о происходящем точно так же, как коломенские меньшевики и эсеры, полагавшие, что «игра большевиков» — это ненадолго. Или, может, думали, что любой власти будут нужны деловые люди, способные наладить финансы и производство. Многие тогда были готовы поддержать «сильную и решительную власть» при условии, что та будет считаться с интересами деловых людей. Неизвестно, что именно там ещё грезилось петроградским воротилам производства, но эти очень неглупые люди решили совершить весьма рискованную сделку. Согласно сведениям «Справочника акционерных обществ Российской империи», владельцы Общества весной 1918 года прикупили у князя Белосельско-Белозёрского Горно-Акатуйский рудный округ, а также приобрели в Нижегородской губернии Кулебакские заводы, производившие чугунное и стальное литьё. Очевидно, они хотели в суматохе по дешёвке скупить собственность, как это делали в 1914–1915 годах, накладывая руку на собственность немецких фирм и частных владельцев.

Относительное спокойствие первых послереволюционных дней было обманчивым. Люди строили планы на будущее, исходя из своего житейского опыта, не осознавая, что этот опыт уже никуда не годится. Те, кто непосредственно совершил революционный захват власти в Коломне, никак не чаяли, что большинству из них осталось жить считанные месяцы. Председатель Ревкома Левшин безвестно исчезнет в Москве зимой 1918 года. Большая часть красногвардейцев найдёт гибель на фронтах Гражданской войны. Множество народу в ближайшие год-два перемерут от голода, тифа и во время пандемии гриппа-испанки. Прошедших испытания революции и Гражданской войны ветеранов партии выкосят репрессии конца 30-х годов. Настанут времена, когда саму память о них и их делах будут стараться скрывать. Как сказала незадолго до смерти коломенская большевичка Ираида Ульяновна Карасёва, когда её попросили поделиться воспоминаниями, «рассказывать, как было на самом деле, я не могу, а врать не хочу».

Но тогда, в конце октября 1917-го, никто из тех, кто совершал вооружённый переворот или был свидетелем этих событий, ничего не знал о грядущем. В этом незнании и заключается высшее милосердие судьбы.